

ПРИХОДСКАЯ №89

ФЕВРАЛЬ—МАРТ 2013

Газета

ХРАМА СВВ. БЕССР. КОСМЫ И ДАМИАНА В ШУБИНЕ

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви
Свидетельство №100 от 4 июля 2011 г.

ВЕЛИКИЙ ПОСТ: ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

*Пречистому образу Твоему покланяемся,
Благий, просяще прощения прегрешений
наших, Христе Боже...*

Из тропаря на Торжество Православия

Джотто ди Бондоне. «Омовение ног»

Он Сам выйдет нам навстречу, когда мы нерешительно приближаемся к дому. Он Сам заключит нас в объятия и оплачет наше жалкое состояние, измерить которое мы не умеем, потому что не знаем, ни откуда мы пали, ни сколь высокое призвание презрели.

Митр. Сурожский Антоний. Духовное путешествие

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

Слово пастыря

Прот. Александр Борисов
«Средства и цель должны быть
этически связаны»

2

Новомученики и исповедники Российские

Прот. Кирилл Каледа
Неудобные святые
Е. Шик
Семья в противостоянии
тоталитарной системе

6

7

Школа молитвы

Священник и поэт —
о молитве св. Ефрема Сирина

11

Милосердие

Л. Салтыкова
Учимся самостоятельности

13

Мы нужны друг другу

Ю. Зайцева
Россия и Польша. Исцеление памяти
Россия и Грузия. Нераздельность

17

19

Дети

Театр «Тимур»: скоро в Москву!

21

Земной поклон

Памяти З. Маслениковой, Г. Померанца,
В. Клиберна, М. Веховой

23—31

Прот. Александр Борисов

Кто отлучит нас от любви Божией?*

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Сегодняшний день 21 год назад стал для нашей Церкви, для нашей страны очень важным, когда Церковью было принято решение в этот день установить память новомучеников и исповедников Российских. То есть память всех тех, кто стали бесчисленными жертвами невиданных в истории гонений на Церковь и на христиан. Конечно, мы понимаем, что одновременно с этим шло уничтожение сотен тысяч и других ни в чём не повинных людей, но мы говорим, в частности, о тех, кто пострадал за веру.

Гонения за веру и вообще репрессии и террор не связываются в сознании людей с их противостоянием Божественному устройству жизни, со стремлением устроить жизнь так, как представляется правильным человеку. Но с этого началось грехопадение в раю, когда человек предпочёл сам решать, что хорошо, что плохо, и то, чем это кончается – самая яркая и страшная историческая иллюстрация.

В этом году память новомучеников совпала с назначенным чтением об исцелении дочери Хананеянки. И, как нередко бывает, разные, казалось бы, места Евангелия тем не менее сочетаются между собой – не потому, что мы это притягиваем искусственно, а потому, что всё Евангелие говорит об одном: что это Радостная весть о спасении человека от духовной смерти. О спасении, которое ему дарует Бог и которое не сам человек находит, а обретает именно тогда, когда он слушает Бога и следует за Ним.

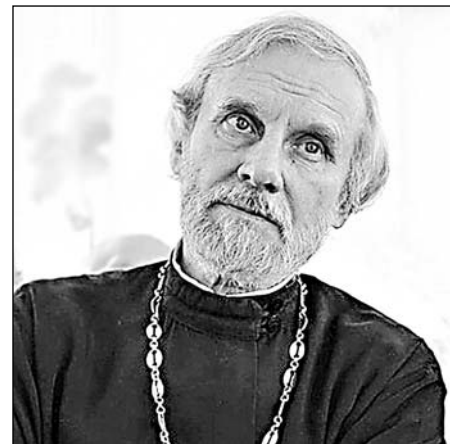
Сегодняшнее чтение – очень странное для поверхностного внимания. Простая хананейская женщина, язычница, просит Господа, чтобы Он исцелил её дочь. Иисус говорит ей слова, которые

нам могут показаться, и справедливо, очень жёсткими: «Нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам». Но женщина отвечает неожиданно смиренно и скромно: «Да, Господи, это, конечно, так, но ведь и псы (а более точный перевод – щенята) тоже подбирают что-то под столом у своих хозяев» (см. Мф 15:26–27).

Вообще через всю Библию красной нитью проходят слова, неоднократно повторяемые: «Бог гордым противится, а смиренным даёт благодать» (Иак 4:6). Как часто именно гордость человека, каких-то организаций, даже целых народов оказывается губительной для них! Гордость делает умного и образованного человека глупым просто потому, что он не хочет замечать ничего вокруг себя, не хочет видеть своих ошибок, не хочет видеть более правильных путей в решении тех или иных вопросов.

К сожалению, в XIX веке, как точно говорил Николай Лесков, Россия была крещена, но не просвещена. Люди не только не читали Евангелия, но даже не считали нужным это делать.

И вот одна из тех историй, которые показывают, что смирение Хананеянки приводит к великому чуду – исцелению её дочери. В Евангелии есть по крайней мере три места именно о том, что Господь приветствует смирение язычников. Например, об исцелении слуги сотника, когда сотник говорил: «Господи! Я недостойн, чтобы Ты вошёл под кров мой; но скажи только слово, и исцелит слуга мой» (Мф 8:8). И Господь с удивлением и радостью говорит: «и в Израиле не нашёл Я такой веры» (ст. 10). И много других подобных мест можно привести, когда смиряется человек и понимает, что истина приходит не от его обычаев, не от традиций, а от Бога, Который открылся народу Израильскому.

В беседе с Самарянкой Господь говорит: «Мы знаем, чему кланяемся, а вы не знаете. Потому что спасение пришло от Иудеев» (см. Ин 4:22). Не от иудеев как людей, как народа, а от иудеев, которые приняли слово Божие. Как пишет апостол Павел, великое преимущество быть Иудеем, «а наипаче в том, что им вверено слово Божие» (Рим 3:2), которое они пронесли через века и донесли до нас. Когда некоторые деятели культуры говорят: «У нас были берестяные рукописи, написанные задолго до принятия христианства, была великая культура», – по большей части это мифы и фантазии, но они вселяют в людей такую гордыню, что христианство – это что-то ненужное, наносное, мы были ещё лучше. То же самое и Адам говорил: «Я хочу что-то получше узнать, чем то, что Бог мне говорит».

И когда подобная гордыня начинает преобладать в той или иной стране, эта страна терпит крушение. К сожалению, в XIX веке, как точно говорил Николай Лесков, Россия была крещена, но не просвещена. Люди не только не читали Евангелия, но даже не считали нужным это делать. Перевод с церковнославянского был сделан только в последней

* Рим 8:35.

трети XIX века, и то многими священнослужителями, всячески оберегавшими свою паству от чтения Евангелия, он практически был от народа изолирован. И лишь перед революцией в протестантских кругах Евангелие начали читать.

Но сейчас как раз такое время, когда наш Патриарх постоянно говорит о необходимости следования именно евангельским принципам, о необходимости изучения Евангелия прихожанами, даже в кружках, группах. Впервые об этом говорится, и это правильно, потому что слово Божие есть та истина, которая является руководящей. Проверять себя по Евангелию – в сегодняшнем послании об Архиерейском Соборе эта мысль будет подчеркнута ещё раз.

Случилось так, что на протяжении XIX века Церковь фактически молчала о Евангелии. Были обычаи, были праздники, были исповеди, молитвы, красивые песнопения и прочее, но само христианство и Евангелие оставались привилегией только образованных классов. И не случайно вся русская литература XIX века – евангельская. Даже несмотря на то что Толстой отошёл от Церкви в начале XX века, его замечательные книги, лучшие из них, проникнуты евангельским духом. Не говоря уже о Достоевском.

Когда сейчас говорят о единстве народов, о воспитании, об основах православной культуры, я думаю, что самое замечательное православное воспитание – это изучение русской литературы XIX века. Именно она создала нравственную основу общества, которая, однако, была воспринята односторонне, в отрыве от Церкви. И лучшие люди России начиная где-то с середины XIX века полагали, что необходимо жертвенное служение народу (фактически была похищена, присвоена эта христианская

идея), но без Церкви, без Евангелия, без Христа – это всё мифы. Да, служение народу хорошо, но мы сами знаем, как это делать.

И, по словам одного автора, воцарился безбожный человек – с самыми лучшими намерениями. Идеалы гуманизма оказались опрокинутыми, когда власть попала в руки этих гуманистов. Когда любые средства стали возможны ради достижения цели: «цель оправдывает средства». Но этого не может быть, это глубокая ложь, потому что средства и цель должны быть этически связаны между собою. Нельзя достичь хо-

роших целей плохими средствами. К сожалению, это произошло и привело к страшным гонениям на верующих не со стороны чужеземцев, чужестранцев, а со стороны собственного народа.

Когда любовь Божия захватывает сердце человека, тогда действительно его невозможно от неё отлучить.

Нам важно хранить память об этом. Важно понять, что страна наша нуждается прежде всего в покаянии – в покаянии, которое не наступило до сих пор. Перечисляют преступления, и фильмы показывают, и данные о жертвах приводят... Нет! Перефразируя поэта, «тьмы горьких истин нам дороже нас возвышающий обман». Гордыня, мифология, уже касающаяся событий XX века,

заслоняют горькую правду. И нам необходимо понимать: эти гонения закономерны и неизбежны, потому что отчаянно сопротивляется языческая человеческая гордыня Божьей правде.

Один из стихов сегодняшнего дня, который воспевался как бы в подтверждение именно памяти новомучеников, – «Бог нам прибежище и сила» (Пс 45:2). И когда мы размышляем об этом, мы должны вспоминать слова Христа и послание апостола Павла о том, что преследование не только доставляет страдания, не только заставляет мучиться лю-

дей и горевать о том, что близкие их предают, но и даёт необычайную близость с Богом, близость со Христом, Который тоже страдал от человеческого зла. Вот эти строки: «Что же сказать на это? Если Бог за нас, кто против нас? Тот, Который Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас, как с Ним не дарует нам и всего?» (Рим 8:31–32). Всего – то есть полноты, жизни, счастья, смысла. И далее апостол говорит: «Кто отлучит нас от любви Божией?..» (ст. 35).

Самое большое, в чём нуждается человек, – это любовь. Когда он для себя открывает любовь Божию, он действительно обретает то, что Церковь называет святостью. Кто такой святой? Мне очень нравится формулировка: святой – это тот, кто открыл для себя любовь Божию и помогает другим открывать её для себя. Когда любовь Божия захватывает сердце человека, тогда действительно его невозможно от неё отлучить. «Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч?..» И *ничто* не может отлучить от этой любви, если только человек действительно её для себя открыл и ею живёт.

Аминь.

*Проповедь на Литургии
10 февраля 2013 г.*

О мерах по сохранению памяти новомучеников, исповедников и всех невинно от богоборцев в годы гонений пострадавших

Документ принят 2 февраля 2011 г. Архиерейским Собором Русской Православной Церкви

За прошедшие годы Русской Православной Церковью собраны многочисленные свидетельства о христианах, пострадавших в гонениях за веру Христову в XX веке. Накоплен обширный материал, позволяющий объективно оценить ситуацию того времени, подвести её исторический итог.

Русская Православная Церковь почитает святость новомучеников и исповедников, утверждая их особый вклад во вселенское Православие. Благодаря их жертвенному свидетельству о Христе в Православии вновь в небывалых масштабах, сопоставимых с гонениями первых веков христианства, был явлен подвиг мученичества и исповедничества, на котором возросла христианская Церковь. Духовные плоды этого подвига должны быть усвоены нашим обществом.

В то же время Церковь помнит не только прославленных ею святых, но и всех невинных жертв репрессий, призывая общество сохранить память об этих трагических страницах истории.

Русская Православная Церковь считает своим долгом неустанно напоминать, что богоборчество и ненависть, в том числе социальная, являлись движущей силой репрессий, совершённых в годы революции, Гражданской войны и всего трагического XX века в разных странах, входящих в каноническую территорию Московского Патриархата.

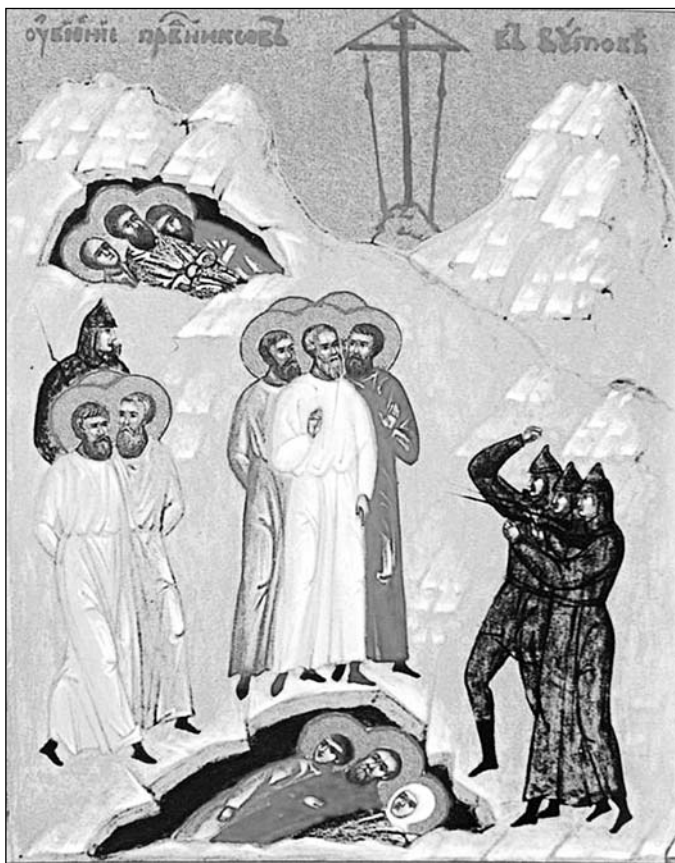
Подвиг новомучеников и исповедников свидетельствует об их противостоянии богоборчеству, а не государству как таковому. Опираясь на опыт своих святых, Церковь убеждена, что в годы гонений верующие подвергались репрессиям прежде всего за исповедание веры, верность Господу Иисусу Христу и Его Церкви, а также каноническому строю Православия.

Для того чтобы память о новомучениках укреплялась в нашем

обществе как пример стояния в вере, Церковь призывает умножить усилия для распространения в народе почитания святых новомучеников и исповедников.

1. Церковь считает своевременным возведение храмов и часовен в честь новомучеников и исповедников, особенно там, где они служили или пострадали.

2. Епархиальным архиереям следует озаботиться совершением бденных, полиелейных и славословных служб новомученикам и исповедникам в местах их служения и мученических подвигов. (...)

3. Во всех епархиях Русской Православной Церкви подобает регулярно совершать богослужения в дни почитания новомучеников и исповедников, проводить посвящённые их памяти церковно-общественные мероприятия (конференции, форумы, съезды), а также вести просветительскую работу в высших учебных заведениях, школах, среди молодёжи.

4. Изучение подвига новомучеников и исповедников надлежит включить в учебные планы духов-

ных семинарий и училищ с учётом истории региона.

5. Епархиям, монастырям и приходам рекомендуется в сотрудничестве с государством, музейным сообществом и историками по мере возможности участвовать в создании мемориальных досок, памятников, музеев и комплексов в местах служения, страдания, смерти и погребения новомучеников и исповедников, инициировать наименование в их честь улиц, площадей, бульваров, скверов. Необходимо продолжать диалог с государством и разъяснительную работу в обществе для того, чтобы в названиях

улиц и населённых пунктов не возвеличивались имена лиц, ответственных за организацию преследований и уничтожения невинных людей, в том числе пострадавших за веру.

6. Собор обращается к кинематографистам, руководителям телеканалов с призывом создавать документальные и художественные фильмы, а также телевизионные передачи, посвящённые подвигу новомучеников и исповедников.

7. Церковным средствам массовой информации рекомендуется уделять особое внимание подвигу новомучеников и исповедников. В целях развития творческой инициативы журналистов, писателей и церковных историков в данном направлении Синодальному информационному отделу и Синодальной комиссии по канонизации святых рекомендуется совместно проработать предложения по использованию различных конкурсов и грантов. Издательскому Совету надлежит поддерживать существующие программы и книжные серии, посвящённые подвигу новомучеников и исповедников, разрабатывать специальную программу издания книг, в том числе для детей и подростков, а также озаботиться распространением уже изданных

книг в епархиях Русской Православной Церкви. Епархиальным средствам массовой информации необходимо уделять особое внимание публикации материалов, посвящённых подвигу новомучеников и исповедников, в том числе размещая эти материалы на епархиальных сайтах.

8. Издательству Московской Патриархии следует незамедлительно публиковать тексты служб новомученикам и исповедникам, одобренных Священным Синодом.

9. Церковь призывает государственных и общественных деятелей поддержать её усилия по изучению и увековечению памяти жертв гонений. В частности, она обращается к руководителям учреждений, в чьём ведении находятся архивные документы, с просьбой содействовать скорейшему и полному выявлению сведений о пострадавших в годы гонений. Для этого важно совершенствовать методику научного изучения следственных и судебных дел. Необходимо продолжить диалог с государством о возможности законодательных или административных способов обеспечения доступа уполномоченных представителей Церкви к соответствующим архивам, при условии соблюдения законных требований неразглашения сведений о личной жизни граждан.

10. Целесообразно сформулировать предложения об объективном отражении темы новомучеников и исповедников в современных учебниках истории.

11. Синодальной комиссии по канонизации святых надлежит продумать возможность такого именования каждого новомученика или исповедника, в котором бы содержалось упоминание о месте его подвига, занимаемой кафедре или фамилии. Это именование должно быть затем включено в официальный календарь Русской Православной Церкви. Данное поручение относится как к уже прославленным новомученикам и исповедникам, так и к тем, чьи имена будут включены в Собор новомучеников и исповедников Российских в будущем.

12. Открытие мощей святого и помещение их в храмы может иметь место только при канонизации или после таковой.

13. При вынесении решения об общецерковной канонизации святого следует утверждать его иконо-

писное изображение. При канонизации местночтимого святого его иконописное изображение необходимо представлять на отзыв в Синодальную комиссию по канонизации святых для последующего утверждения Патриархом.

14. Следует продолжить развитие рабочих контактов епархиальных комиссий с Синодальной комиссией по канонизации святых как на этапе подготовки дел к передаче в последнюю, так и при их рассмотрении, что исключило бы появление в Синодальной комиссии дел, заведомо не соответствующих предъявляемым требованиям.

15. Епархиальным богослужебным комиссиям надлежит усилить работу над составлением служб новомученикам и исповедникам, служившим или пострадавшим в данной епархии, и представлять их на рецензирование в Синодальную богослужебную комиссию.

Собор выражает уверенность в том, что совместные действия Церкви, государства и общества, направленные на увековечение памяти жертв гонений за веру, помогут изменить к лучшему нравственное состояние людей.

Памятуя слова церковного писателя III века Тертуллиана — «кровь мучеников есть семя христианства», Собор призывает всех членов Церкви быть по духу верными наследниками новомучеников и исповедников, твёрдо стоять в подвиге жертвенного свидетельства Истины, не отступать от неё, малодушно пугаясь вызовов мира, всё более удаляющегося от Христа.

Епископ Каскеленский Геннадий (Гоголев)

Что вам слышится? Оклик конвоя?
Лязг затвора и выстрел глухой?
Незнакомое чувство святое
В этот миг овладеет душой.
С каждым часом сильнее и смелее
Из души это чувство росло,
А на карточке жёлтой — острее
Иссушённое пыткой чело.
В нём слились и упорство, и воля,
Понесённых скорбей торжество,
И огромное озеро горя
В глубине напитало его.
Иерархи в униженном сане,
Лица старых монахов, дьячков
С этих карточек смотрят очами
В новый век на далёких сынов.
Как вы выжили? Как сохранила
Вашу душу седая тюрьма?
Не сломала вас, не убила,
Не свела на допросах с ума?
Словно дети, рыдали и глгли
Здесь герои Гражданской войны.
Только вы в кабинетах молчали,
Не признав клеветы и вины.
Истожились до тени, до нитки
И, не дав торжества палачам,
Претерпели бессонные пытки,
Убивающий свет по ночам.
А наутро, лишь солнце украсит
Над тюрьмою лазоревый свод,
Сам Христос,
молчалив и прекрасен,
За Собою вас в рай поведёт.

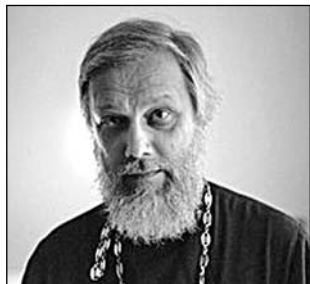
Источник: www.patriarchia.ru

Источник: pravmir.ru

10 февраля Церковь праздновала Собор новомучеников и исповедников Российских

Прот. Кирилл Каледа

Неудобные святые

Что мы знаем о своих новомучениках, людях, которые жили рядом с нами совсем недавно и предпочли скорее умереть, чем отказаться от того, чем мы иногда не очень дорожим? Как храним их память? Потомок новомученика прот. Кирилл Каледа считает, что современному обществу память о новомучениках крайне неудобна, и вот почему

Мы живём, к великому сожалению, очень земными заботами. Придя в Церковь, мы в первую очередь молимся о том, чтобы нам удачно поменять машину, чтобы дочка вышла хорошо замуж и т.д.

Я не отрицаю необходимости такой молитвы, но к новомученикам обращаться с этим как-то не очень удобно. И поэтому с такими просьбами в основном обращаются к свт. Николаю, Матроне Московской, Ксении Петербургской и т.д. А к новомученикам, у которых надо просить мужества стоять за веру, крепости в вере, мы не обращаемся, потому что эти духовные ценности для большинства из нас совершенно абстрактны и непонятны. Поэтому широкого почитания новомучеников в массовом сознании, как в церковном, так и в светском, сохранения их памяти всё-таки нет.

Приходится констатировать: хотя в честь новомучеников освящаются храмы и при крещении люди принимают их имена, до сих пор встречаются храмы (в т.ч. и в Москве), в которых служил прославленный в лике святых священник или молился мученик-мирянин, а иконы этому святому в храме нет.

Если мы посмотрим на богослужебные рекомендации, то несмотря на то, что в году насчитывается более ста дней, в которые совершается память новомучеников, службу им рекомендуют совершать от силы десять раз в году. Причём в ряде случаев предлагается перенести её на другой день, т.к. она совпадает с памятью каких-то других святых. Совершать память древним святым мученикам, жития которых в нашем церковном сознании не сохранились, тем не менее, предлагают. Наверное, это связано с тем, что подвиг новомучеников не очень-то значим для нас.

Отказались от рая в стране, строим рай в коттедже

Причина в том, что мы не готовы изменить наше сознание. Потому что, если мы осознаем, что это явление действительно было, то нам придётся согласиться, что произошедшее в XX веке, то, за чем наш народ устремился, было утопией не только в социальном плане, но и в духовном.

Да, мы отказались от построения Царствия Небесного в отдельно взятой стране. Но посмотрите вокруг: теперь мы прилагаем все наши усилия для того, чтобы построить Царствие Небесное в отдельно взятом коттедже! По большому счёту, ничего не изменилось. Если мы признаем эту ошибку, то должны признать, что занимаемся повторением того, что делали наши предки в XX веке. И в государственном, общественном сознании эта тема очень неудобна. Ведь если мы её раскроем, она заставит нас изменить отношение к жизни, изменить наше поведение. А мы этого не хотим, нам удобно жить так, как мы сейчас живём. Тогда разграбили государство и сейчас продолжаем делать то же самое. Причём грабят люди, которые по идее должны государство защищать.

Вы знаете: когда мы совершим что-то нехорошее, нам становится стыдно, и мы стараемся нашу совесть заставить замолчать, сказать «да ладно тебе», стараемся её чем-то усыпить. И потом о нехорошем поступке, за который стыдно, мы стараемся не вспоминать, особенно когда нет покаяния. Если мы покаялись и осознали, что совершили какое-то греховное действие, то после покаяния мы можем о нём говорить. А когда мы не раскаялись, то совесть нас клёёт, и мы стараемся произошедшее не вспоминать. То же самое происходит сейчас с нашим обществом. А Церковь в какой-то мере является частью общества.

Церковь совершила подвиг, но мир не заметил

Несомненно, Церковь сделала колоссальный шаг. Это просто милость Божия, это чудо и подвиг Церкви, что она прославилась в лике святых Собором новомучеников и исповедников российских. Мы засвидетельствовали миру, что есть иные ценности кроме ценностей мира – ценности духовные. Хотя, по большому счёту, мир в целом и наши соотечественники в частности это свидетельство не очень-то осознали. Они стали смеяться и говорить: «Это что – звание Героя Советского Союза? Звание присвоили и сказали, что он святой, а другому не присвоили почему-то». Слава Богу, что есть люди и есть приходы, в которых почитание и осознание есть. Но, к сожалению, это отдельные приходы. А в целом мы живём другими заботами и другими чаяниями.

Как изменить ситуацию

Когда у человека страдает память, ему дают препараты для улучшения кровоснабжения головного мозга. Так и нашей памяти нужно хорошее кровоснабжение. Нужно прилагать усилия по обращению к этой памяти, нужны видимые знаки вроде памятников, мемориальных досок и памятных крестов. Чтобы в храмах были иконы новомучеников, чтобы мы молились им. Может быть, попросить школьников написать историю своего рода в XX веке. И окажется, что у многих исчез кто-то из родственников, после того как за ним «пришли». Может, это заставило бы детей понять, что новомученики и жертвы репрессий – это не где-то там далеко, это касается их семьи. И тогда, возможно, новомученики начали бы входить в сознание людей.

Я глубоко убеждён, что для нас необходим именно пример людей, которые были в очень многом подобны нам, близки по времени и месту жительства, обладали теми же способностями, что и мы. Но, в отличие от нас, они были действительно преданы Богу и благодаря этому сохранили образ и подобие Божие, свой человеческий облик и достигли Царствия Небесного. Это просто необходимо в мире, в котором мы живём и который всё быстрее и быстрее отходит от Бога.

Источник: Нескучный сад

Негромкое, но деятельное противостояние тоталитарной системе*

Елизавета Шик

Напомним: «ПГ» публиковала статьи нашей прихожанки Е.М. Шик, дочери расстрелянного в Бутове о. Михаила Шика, о сщмчч. Серафиме (Звездинском) и Германе (Ряшенцеве) (№№ 71–72/2011). О замечательной семье Шиков-Шаховских повествует книга С. Шоломовой «Запечатлённый след» (М.: МХК «Осанна», 2011; см. также «ПГ» №77/2011). Нынешняя публикация – о жизни семьи православного священника при сталинском режиме – не только свидетельство духовного противостояния. Речь в ней идёт и о некоторых принципах христианского воспитания детей

Прошедший 2012 год был знаменателен для нашей семьи двумя памятными датами: исполнилось 75 лет со дня гибели нашего отца – Михаила Владимировича Шика и 70 лет со дня смерти нашей мамы – Наталии Дмитриевны Шаховской-Шик. Об их жизни, которая мне кажется одним из вариантов духовного сопротивления, я и попытаюсь рассказать.

Оба они к началу переворота 1917 г. подошли молодыми, но уже сложившимися в духовном отношении людьми. Отец окончил Московский университет по специальности философия и общая история и прослужил в армии все годы Первой мировой войны. Занятия философией и годы интеллигентского богоискательства открыли ему православие, а неоднократные столкновения с большевиками на митингах, где они своей демагогией будоражили полуграмотную солдатскую массу, показали ему их истинное лицо. Отказавшись от участия в братоубийственной Гражданской войне и решив для себя: «Против большевика бери не ружьё, а школьную книжку», М.В. в 1918 г. оставил разваливающуюся армию и крестился – тогда, когда множество православных по рождению людей отвергли Бога. В том же году они обвенчались с нашей будущей мамой.

Мама, дочь князя Д.И. Шаховского, одного из основателей кадетской партии, в отрочестве и ранней юности болезненно переживала социальную несправедливость и горела желанием «перевернуть мир». Повзрослев и вновь

обретая (...) утраченную было веру, она поняла, что «переворачивать мир не нужно, потому что его уже давно перевернул Христос», и «нам нужно только ежедневно, ежечасно и ежеминутно переворачивать свой мир, чтобы (...) разоблачать самый тонкий из обманов – обман своей “ячности”». По образованию она была историком – окончила Высшие женские курсы в Москве.

Вступая в брак, они видели свою будущую жизнь более как служение, чем «счастье для себя». Супруги поселились в Сергиевом Посаде. М.В. вместе с о. Павлом Флоренским, Ю.А. Олсуфьевым и др. преданными Церкви людьми работал в Комиссии по сохранению памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры, преподавал историю и психологию в педагогическом техникуме (позднее – институте); там же работала и Н.Д. В 1922 г. родился долгожданный первенец – Сергей. Общим духовным отцом М.В. и Н.Д. стал старец Зосимовой пустыни иеросхимонах Алексей (ныне прославленный). По его рекомендации М.В. в июле 1925 г. был рукоположен в сан дьякона Патриаршим Местоблюстителем митр. Петром (Полянским). В ноябре–декабре того же года была арестована большая группа духовенства во главе с митр. Петром, в т.ч. и о. Михаил. К тому времени в семье было уже двое детей (в 1924 г. родилась Машенька) и ожидался третий (я родилась через два месяца после ареста отца).

После полугода тюрьмы папу вместе с проходившими по «делу

митр. Петра» отправили в ссылку в г. Турткуль. Трудности этапа преодолевались молитвой. Вот запись из дневника отца: «В вагоне перед Чарджуем тихонько пели всенощную с акафистом Богородице по случаю завтрашнего празднования Казанской иконе Божией Матери. Как утешительны эти наши импровизированные службы в тюрьме и в пути. Кругом гомон, брань, смех. Но не так ли в обычной жизни мы, выплывая из волн житейской суеты, стараемся оторваться от неё, чтобы сосредоточиться в молитве?»

В Турткуле ранее сосланные священнослужители уже создали домовую церковь, где служили Литургию. Вновь прибывшие включились в церковную жизнь.

Через год, 12 июня 1927 г., в день Св. Пятидесятницы, о. Михаил был рукоположен во иерея архиеп. Симферопольским и Таврическим Никодимом (Кротковым). В это время в Турткуле находилась и наша мама, приехавшая «на побывку» с пятилетним Серёжей. Освободившись из ссылки в начале 1928 г. и едва ус-

* Доклад, прочитанный 1.02.2013 г. на конференции «Равнина Русская. Опыт духовного сопротивления», организованной Преображенским содружеством малых православных братств, Свято-Филаретовским институтом, Тверским филиалом РГГУ, Мос. гос. обл. социально-гуманитарным институтом при поддержке Отдела Московского патриархата по взаимоотношениям Церкви и общества. Приводится в сокращении.

Отец Михаил Шик

пел к рождению сына Дмитрия – «турткульского мальчика», о. Михаил служил в Воскресенско-Петропавловской церкви г. Сергиева, затем под угрозой нового ареста перебрался в подмосковное Томилино. Оттуда ездил в Москву, служил в разных храмах. Как пишет С.М. Голицын в «Записках уцелевшего», о. Михаил Шик «был очень известен по Москве как замечательный проповедник и вдумчивый философ». С последнего места служения – храма Свт. Николая у Соломенной Сторожки отец и настоятель о. Владимир Амбарцумов ушли за штат в связи с отказом помянуть митр. Сергия (Страгородского) как Местоблюстителя Патриаршего престола при живом и не сложившем свои полномочия митр. Петре (Полянском). Этот шаг, как мне видится, был вызван не личным неприятием митр. Сергия, а протестом против действия властей, фактически назначивших Местоблюстителя и тем самым грубо вмешавшихся в сакральную жизнь Церкви.

Остаться в Томилине было небезопасно. Выбрали Малоярославец – «город 101-го километра», где селились люди, прошедшие ссылку и не имевшие права жить в Москве и др. крупных городах. Чудесным образом в 1931 г. был куплен дом: к папиным родителям пришёл человек и принёс давно безнадежно забытый долг – ровно

ту сумму, которую просили за дом. Одна из четырёх комнат стала папиным кабинетом и местом служения Литургии. (Антиминс у него был, видимо, от еп. Серафима (Звездинского) – тоже из «непоминающих»). На жизнь отец зарабатывал переводами технической литературы; мама писала или переводила книги для детей и юношества о путешественниках, учёных, изобретателях – людях, бескорыстно увлечённых своим делом, мужественно преодолевающих препятствия. (Последняя книга – о знаменитом физике Фарадее, написанная родителями вместе и вышедшая в 1937 г., была переиздана в 1947 и 1968 гг.).

В Малоярославце мы жили не совсем «как все». В школу никто из нас не пошёл с 1-го класса: кто в 3-й, кто в 5-й класс, после домашней подготовки. Ни пионерами, ни комсомольцами мы не были (мама ходила к директору школы и как-то об этом договорились). В кино в нашем городе мы не ходили, т.к. кинотеатр был устроен в закрытом Успенском соборе, и родители не хотели, чтобы мы участвовали в осквернении храма. Уже когда папы не было с нами, мама отказалась выписывать «Пионерскую правду» т.к. видела во сне, что папа выговаривал ей за эту подписку, «потому что каждый выписывает газету своей партии, а это – не наша партия». Мы огорчились (газета была интересна), но не спорили.

Вообще я не помню серьёзных конфликтов с родителями, хотя нас совсем не баловали – у всех детей были свои обязанности: участие в уборке дома, работа в огороде и саду, уход за коровой, рубка на зиму капусты, чистка снега и т.д. Всё это делалось без принуждения – дружно и весело. У папы были свои требования к нашему распорядку: он не терпел утреннего «разгильдяйства» – долгого и несобранного вставания; считал вредным чтение даже хороших книжек по утрам, в дообеденное время; не разрешал садиться за стол мальчикам в безрукавых майках, девочкам – в сарафанах. Перед едой, конечно, молились, так же как утром и вечером.

Родители сами направляли наше чтение – папа привозил из Москвы книги, в основном русских

и зарубежных классиков, по вечерам нередко читал нам вслух. Мы в это время рукодельничали. (Так была прочитана трилогия А.К. Толстого: «Иван Грозный», «Царь Фёдор Иоаннович» и «Борис Годунов»). По воскресеньям, если не уезжал в Москву, отец читал и разбирал с нами Слово Божие.

Мы очень весело праздновали церковные праздники. Кроме богослужения (на Рождество и на Пасху, а иногда и на Крещение) у нас всегда была рождественская ёлка (в те времена запрещённая как «вредный пережиток»). За ёлкой мы ходили в лес поздно вечером и возвращались в темноте, а дома плотно занавешивали окна на

Н.Д. Шаховская, 1914 г.

улицу, чтобы ёлки не было видно. Украшения мастерили сами. На Пасху кроме традиционных яств было развлечение – катание яиц (старая народная забава). В большие праздники нам разрешалось «прогуливать» уроки. Мама писала в школу записку, что у Лизы (Маши, Серёжи) болела голова, и с улыбкой говорила: «Это не ложь: они считают, что религия – дурман, вот голова и болит».

В школе нашу «непохожесть», конечно, замечали, но относились скорее с уважением, чем враждебно. Учились мы все хорошо и «отшельниками» не были – участвовали в спектаклях, в кружках, в спортивных соревнованиях, помогали отстающим одноклассникам, занимались по линии «ликбеза» с неграмотными городскими женщинами (таких тогда было ещё много).

Уже когда отца не было с нами, мама бережно сохраняла домашний уклад. Свои «педагогические установки» она чётко сформулировала в 1940 г. в письме к Арсению – папиному племяннику и мамину крестнику. Он преподавал математику в нашей школе и жил у нас. Мама использует письмо, «чтобы не посвящать в это детей». Она просит «не приглашать девочек в кино», поскольку для нас это – осквернение храма; предупреждает, что не хотела бы, чтобы дети слушали радио без разбора, а слушали бы только хорошую музыку и только если можно прослушать вещь с начала и до конца. Если «немного послушать и бросить (...) даже хорошая музыка не может пойти на пользу, пот. что воспринимается слишком поверхностно и это (...) ведёт к снижению вкуса». Из игр мама всячески одобряет шахматы, но возражает против карт «как игры более азартной, чем осмысленной». И, наконец, «безусловно должен быть освобождён от всяких развлечений вечер субботы и под большие праздники, который мы можем посвятить Богу». (В такие вечера мы обычно читали вместе краткое последование всенощной или же что-то доступное нам из духовной литературы). Мама пишет: «Соблюдение установленных праздников и распорядков – один из важнейших моментов всякой религии, т.к. по законам нашего земного существования всё духовное должно иметь свою форму. И если мы детей к этому не приучим, то мы дадим им только ту абстрактную бесформенную “религиозность”, от которой наша интеллигенция так легко скатилась к полному безбожию». И дальше: «...путь к воспитанию в детях твёрдых нравственных правил и устойчивой внутренней дисциплины ведёт через трудное и скучное». (Как этого сейчас не хватает нашим детям!)

Мама недвусмысленно выражает своё отношение к школьной программе в записке к Борису Ивановичу. Это был один из «невольных» жителей Малоярославца – театрал, немного литератор; он часто бывал у нас, ходил с нами в лес и на речку, читал нам что-то вслух. Мы звали его «дядя Боряка». Мама пишет ему (в 1939 г.):

«Борис Иванович, чтение Маяковского меня огорчило: стихи его всё же озорные, грубые и лживые, но могут увлечь силой и выразительностью. Неужели недостаточно пичкать детей в школе Горьким и Маяковским, чтобы надо было то же “прорабатывать” дома? Я употребляю огромные усилия, чтобы привить детям вкус к другой культуре, менее бьющей в глаза, но более истинной». (Б.И. оправдывается, тоже в записке, что читал Серёже и его товарищу Лёне поэму «Ленин» по их просьбе, т.к. они проходят её в школе, а чтение учительницы было им непонятно.)

Н.Д. Шаховская и о. Михаил Шик с Серёжей, 1922 г.

Однако при неприятии существующей государственной системы мама оставалась патриоткой своей родины – России. Во время войны она никак не разделяла пораженческой позиции части нашей интеллигенции, пострадавшей от советской власти. Запомнился эпизод из того времени, когда Малоярославец два с половиной месяца находился в зоне немецкой оккупации. Среди знакомых был некий Владимир Александрович, часто бывавший у нас в доме и имевший свои претензии к власти. Когда немецкие войска в конце декабря 1941 г. готовились спешно покинуть город, В.А. решил уходить с ними. Он пришёл попрощаться – в немец-

кой форме и с автоматом. Бабушка, увидев его в окно, ушла, сказав, что не хочет подать ему руку, а мама строго спросила, указывая на автомат: «Что же, Вы и в своих стрелять будете?». Он уверенно ответил: «А они мне – не свои». Сестра Маша, свидетельница этой сцены, помнит, что мама отчеканила: «Уйдите – сейчас же – из – моего – дома!». И этот большой вооружённый человек как-то весь съёжился и тихо вышел.

Ещё характерно для мамы, что она никогда не могла оставаться равнодушной к нуждам других, хотя и самой жилось нелегко. Ещё в Сергиевом Посаде, с тремя детьми и сосланным мужем, она непременно делилась чем могла с теми, кому было ещё хуже: выделяла из присланных папой денег 5–10 руб. то семье сосланного друга папы – свящ. Сергия Сидорова, то ещё кому-то, а одно время ежедневно находила тарелку супа для С.И. Истоминой, у которой муж был на Соловках. Сидоровым посылали посылки в Муром уже на моей памяти, т.к. участвовали и мы с Машей – шили мешочки для крупы. А когда в голодную военную зиму после немецкой оккупации нас спасала конина (мы с Димой выискивали за городом замёрзшие туши убитых лошадей и привозили на санках большие куски), мама, не обращая внимания на наши с Димой (увы!) неодобрительные взгляды, щедро делилась этой кониной с одной непрактичной знакомой, у которой было двое детей моложе нас.

Отца арестовали в феврале 1937 г. Мне только что исполнилось 11 лет. Вероятно, в разговорах родителей уже присутствовала какая-то тревога, полусознательно ощущавшаяся нами. Накануне я видела странный сон – мы с мамой (или с кем-то ещё) собираемся ехать в Москву, но на вокзале первый путь занят каким-то другим составом, и когда мы пытаемся его обойти, то слышим: «Туда нельзя – там ЗАКЛЮЧЁННЫЕ». Это слово больно ударяет меня, и я просыпаюсь... Днём за папой пришли трое. Сказали: «У нас есть ордер на обыск». А папа тихо (но я слышала) сказал маме: «Ордер на обыск и арест». При обыске взяли и антиминс, и облачение – признаки домашнего бо-

гослужения. Меня и младших братьев папа успел благословить, а старшие были в школе (учились во вторую смену) и его уже не застали. Но Господь чудесным образом подарил нашим родителям последнее свидание. На другой день мама поехала в Москву – сообщить родным и друзьям о случившемся. И в общий вагон пригородного поезда, где она сидела, два конвоира ввели папу, которого тоже везли в Москву. Они сидели в разных концах полупустого вагона и не только обменивались взглядами, но писали друг другу на запотевшем стекле. Папа начертил на стекле крест – последнее благословение и предвидение своей судьбы...

Поиски арестованного по разным тюрьмам Москвы ничего не дали. Только в конце 1937 г. в одном из справочных окошек маме письменно ответили: «Отправлен в дальние лагеря без права переписки». Тогда никто ещё не знал, что это означало. Видимо, на словах было сказано «на десять лет», потому что я считала: «Когда папа вернётся, мне будет уже 21 год». И мама не теряла надежды на его возвращение. Во всяком случае, при последнем обострении давнишнего туберкулёзного процесса, потеряв надежду на выздоровление, она написала ему прощальное письмо, где говорила, что если он и вернётся, они уже не увидятся, т.к. ей «уже пора». И она умерла в июле 1942 г. в Московском туберкулёзном институте.

Но уже без папы в нашем доме продолжалось служение Литургии. К нам периодически приезжал на две-три недели о. Александр Гомановский, тоже «непоминающий», из круга еп. Серафима (Звездинского). Его разыскивали «органы», и он не жил подолгу на одном месте. Приезжали из Москвы духовные дети отца, которым мама заранее сообщала, что «приедет тётюшка». Меня спрашивают: «Как же она не боялась?» А она вообще была бесстрашной – и в «прощальном» письме пишет: «Я думала – так будет лучше для Тебя».

Правда начала открываться уже после маминой смерти, и то не сразу. В январе 1944 г. В.И. Вернадскому (большому другу нашей семьи) в ответ на его запрос ответили по телефону из канцелярии М.И. Калинина, что «М.В. Шик умер в дальнем лагере (...) 26 сентября 1938 г.». Всё – неправда, кроме факта смерти. В 1957 г. получена справка из Мосгорсуда, что «дело в отношении Шик М.В. производством прекращено за недоказанностью обвинения».

В 1990 г. брату Дмитрию пришёл ответ из КГБ, где говорится, что М.В. Шик расстрелян 27 сентября 1937 г. в г. Москве, но «о месте захоронения Вашего отца сведениями не располагаем». Дата расстрела – день Воздвижения Креста Господня! Это показалось символичным и было для нас немалым утешением. И уже в 1994 г. выяснилось, что место упокоения о. Михаила – всем теперь известный Бутовский полигон.

В заключение хочу привести одно четверостишие (по-моему – пророческое) из цикла «Страстная Седмица», написанного отцом в начале 20-х гг.

*Девятый час искупленья,
Последний вздох на кресте –
Да будет вам весть Воскресенья,
Вкусившие смерть во Христе!*

Д.М. Шаховской, М.М. Шик-Старостенкова, Е.М. Шик в Бутове

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

8 февраля Елизавета Михайловна Шик отметила своё 87-летие

Человек скромный, открытый, доброжелательный, Елизавета Михайловна отличается ещё и удивительной работоспособностью: она постоянно работает над сохранением памяти о своих родителях и о людях, связанных с семьёй Шиков-Шаховских духовными узами, пишет статьи, готовит к публикации материалы из семейного архива, выступает с докладами на конференциях.

Желаем Вам, дорогая наша Елизавета Михайловна, здоровья, творческой активности, исполнения Ваших планов.

Многая и благая лета!

Молитва Ефрема Сирина*

О литургическом месте, смысле и поэтике великопостной молитвы рассказывают священник и поэт

О. Феодор Людоговский

Молитва прп. Ефрема Сирина († ок. 379 г.; пам. 28 янв./ 10 фев.) читается, как обычно говорят, Великим постом. Это верно, но здесь нужно сделать две поправки.

Во-первых, эта молитва должна возглашаться и в некоторые дни прочих многодневных постов – а именно в те, когда в начале утрени (после шестопсалмия и великой ектении) поётся *Аллилуия* (а не *Бог Господь*, как это бывает на всенощном бдении под воскресенье).

Во-вторых, первый раз молитва прп. Ефрема читается ещё до Великого поста, в среду и пятницу сырной седмицы. Языческий дух масленицы за века изрядно повыветрился, однако и «воцерковить» его тоже не удалось. Судите сами: в то время как мы дружно поедаем блины и устраиваем разнообразные забавы, в храме в среду и пятницу совершаются постовые по форме и по содержанию службы.

В эти два дня не положено литургии (верный признак поста!), читаются ветхозаветные пророчества – и впервые звучит молитва сирийского подвижника. С другой стороны, во все субботы и воскресенья Великого поста молитва прп. Ефрема Сирина в храме не читается, поскольку эти дни в богослужебном отношении постовыми не являются...

Молитва прп. Ефрема Сирина имеет два варианта «исполнения».

Первый, более полный, выглядит таким образом. Священник выходит на авмон (Царские врата закрыты) и, повернувшись к алтарю лицом, произносит: «Господи и Владыко живота моего, дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия не даждь ми», – и делает земной поклон («великое метание»). Далее он читает вторую часть молитвы: «Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй ми, рабу Твоему», – и делает ещё один земной поклон. Наконец, читает третью часть, вновь делая поклон: «Ей, Господи Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего, яко благословен еси во веки веков. Аминь». Одновременно со священником делают поклоны и все прихожане. После этого следуют 12 поясных («малых») поклонов,

обычно сопровождаемых молитвой «Боже, очисти мя грешного!». Далее священник вновь читает молитву прп. Ефрема – на сей раз полностью, делает ещё один земной поклон, а хор поёт «Аминь».

Второй вариант чтения молитвы прп. Ефрема – с тремя земными поклонами, но без поясных и без повторения молитвы в конце.

До никоновских реформ текст молитвы выглядел несколько иначе:

«Господи и Владыко животу моему, дух уныния, небрежения, сребролюбия и празднословия отжени от мене. Дух же целомудрия, смирения, терпения и любви даруй ми, рабу Твоему. Ей, Господи Царю, даждь ми зрети моя согрешения, и еже не осуждати брата моего, яко благословен еси во веки, аминь». При чтении молитвы с 16 поклонами все они были, согласно действовавшему тогда уставу, земными. Именно таким образом эта молитва читается и в наши дни у старообрядцев.

Ольга Седякова

Молитве прп. Ефрема Сирина принадлежит особое место в традиции русского благочестия. А.С. Пушкин из «множества божественных молитв» выбирает её: *Всех чаще мне она*

приходит на уста

И падшего крепит неведомою силой.

Каждый знает волнение, которым сопровождается первое возглашение этой молитвы перед Великим постом. И в продолжение постных седмиц, каждый раз, когда священник выходит и начинает: «Господи и Владыко...», что-то происходит: что-то совсем настоящее. Мы чувствуем себя в самом сердце Великого поста и как будто в сердце молитвы: всех молитв. Момент самой большой серьёзности и интимности. Особенности исполнения молитвы, несомненно, содействуют этому. Она как бы разрывает привычное пространство богослужения... «Простое», не распевное чтение, земные поклоны, их удивительное распределение (три и в конце один), поясные поклоны и повторение «Господи, очисти!..» перед повторным чтением молитвы... Во второй раз те же слова звучат уже иначе! И та особая общность молящихся, ко-

торую создаёт эта молитва: в ней каждый говорит «от себя одного» («Владыко живота *моего*» – не «нашего»!) и обращён в собственную глубину... Эта монашеская молитва со всей решительностью ставит *меня* перед *моим* Владыкой, Владыкой моей жизни. Она похожа на келейную, а не храмовую молитву (очень близка, напр., молитве свт. Иоанна Златоуста «По числу часов...»), но стены кельи как будто исчезли – или дверь, которую рекомендуется затворить перед тем, как начать молиться, открылась. «Покаяния двери», как говорит другое прекрасное песнопение Постной Триоди, раскрываются. Важно и то, что это редкое «я» общей молитвы – в равной мере и «я» иерея, который в литургическом действе обычно выделен из общего собрания мирян. Может быть, ни в одном другом моменте богослужений мы не видим его молящимся не о нас и за нас, а как мы и среди нас.

Молитве прп. Ефрема Сирина посвящено много прекрасных толкований и комментариев. Моя задача... – посмотреть на неё с точки зрения поэтики. Сила этой молитвы, несомненно, связана и с красотой её построения – совершенно особой красотой.

...Богатства аллюзий и цитат, «извития словес», изощрённой символики, игры контрастами и парадоксальными столкновениями слов – всего этого в ней просто нет. Нам ещё не пришлось говорить о звуковом строе гимнаграфии, но здесь и это не так существенно... В славянском тексте первая же пара слов: *праздности, уныния* – несколько не созвучных, говорит нам, что всякая звуковая и морфологическая игра осталась в стороне. Аскетизм, даже минимализм внешних художественных средств только усиливает обращённость этих прошений. Они не отвлекаются на уточнения и украшения.

И вместе с тем, эту молитву никак нельзя назвать безыскусной. Просто её художественное решение лежит глубже... это общая композиционная идея. Её можно определить так: сплошная симметрия или мотив парности. Этот ритм вводит уже первое обращение: *Господи и Владыко...* Второе обращение также содержит в себе пару: *Господи, Царю!* Ритм мысли задан.

* Печатается в сокращении.

Первая часть молитвы (до второго воззвания) состоит из двух симметричных прошений: о помощи в освождении от некоторых дурных свойств, пороков – и о даровании некоторых необходимых благих свойств, добродетелей. Тех и других называется по четыре. Каждое из них достойно глубокого размышления... Но нас сейчас интересует само это число – четыре. Если посмотреть на близкую, по существу, молитву свт. Иоанна Златоуста «По числу часов...», можно понять, что и тех, и других свойств могло быть разное число... Выбор четырёх и четырёх – это решение, которое стоит обдумать.

Наконец, последнее прошение также представляет собой двойную симметричную фигуру: зреть собственные прегрешения – и не осуждать ближнего. И эта чётность, симметричность производит своё действие. Мы чувствуем в этом что-то необычное. Мы привыкли, что в литургических текстах господствует число три (*яко Твое есть сила и слава и царство*; примеры можно умножать). Три – формообразующее для храмового искусства число. Мы неосознанно ждём троичности в построении молитвенного текста. Но здесь её не слышно! Я не хочу обращаться к числовой символике, которая, несомненно, важна в храмовом искусстве (и вообще в искусстве Средневековья) – но поиски и толкования которой всегда склоняют к лишним фантазиям.

Вероятно, достаточно того, что четвёрка прямее всего отсылает к четырём сторонам света, то есть создаёт впечатление вселенского пространства. Человек, произносящий одно за другим эти четыре весомейшие слова, чувствует себя как бы в центре, от которого простираются четыре конца света.

Он просит дать ему измениться так, как если бы он хотел переменить один мир на другой: мир с координатами *праздность – уныние – любоначалие – празднословие* на мир, «концы» которого *целомудрие – смиренномудрие – терпение – любовь*. Не углубляясь далее в символику, можно сказать, что построение, в основе которого лежит число три, создаёт впечатление цельности и собранности, а то, что построено на двух и четырёх, – открытости. И эта открытость и заключает в себе, как мне кажется, глубокий образ постного времени.

Параллельное парное построение, как известно, – свойство библейских текстов. Гимнография отличается более сложными фигурами симметрии:

хиазмом, прежде всего. И в нашей молитве есть один простой хиазм – и действие его очень сильно. Это перекрёстная синтаксическая фигура.

Мы условно разделили молитву на две части. Каждая начинается с обращения. Два первых прошения первой части, о которых мы говорили, начинаются перечислениями и кончаются глаголом (*не даждь, даруй*). Вторая часть, которая содержит в себе третье прошение, начинается с глагола: *даруй*. И только затем следует предмет просьбы (вновь двойной, как мы говорили: видеть свои прегрешения – и не осуждать брата). Эта перемена мест глагола создаёт впечатле-

Поразительна скромность этой молитвы. Она не просит о мирных и премирных благах, о спасении, о блаженстве, о каких-то особых духовных дарах. Она не просит даже о прощении. Она просит о духовном труде.

ние того, что последнее прошение – как бы финал, нечто ещё более значительное, чем первые два. Последнее – *и не осуждати брата моего* – звучит как предел всех этих молений, как цель тех изменений, о которых просит молящийся.

Я говорила о том, какой неожиданной силой обладает первое воззвание молитвы, *Владыко живота моего*. Слово *Владыка* открывает свой страшный и простой смысл: не мироздание, не ангелы, не небесные воинства – вся *моя, вот эта* жизнь в Его власти.

С той же неожиданной силой звучит слово *брат* в конце молитвы. Привычное по множеству христианских употреблений, слово *брат* оживает здесь как прямая, несимволическая реальность – *брат мой*. «Я», о котором мы говорили как о необычном моменте общей молитвы, в конце

концов, как свою последнюю цель видит неосуждение другого. И это не просто другой, а брат мой (способность видеть в другом брата – тоже дар и плод духовного труда).

Если вдуматься, поразительна скромность этой молитвы. Она не просит о мирных и премирных благах, о спасении, о блаженстве, о каких-то особых духовных дарах. Она не просит даже о прощении. *Она просит о духовном труде*. Высшим даром себе молящийся видит способность различать собственное несовершенство и не выносить приговора другому. Сила и интенсивность прошения даёт понять, что собственными силами человек этого достичь не может.

Как замечает в своём труде о Ефреме Сирине Аверинцев, «магнит, у которого был бы только один полюс, – вещь невозможная». В силе [этой] молитвы действует напряжение двух полюсов: космического величия личного, один на один, предстояния перед Владыкой, которое передаёт весь ритм молитвы, – и почти нечеловеческой скромности желания. С.С. Аверинцев противопоставлял риторичности греческой поэзии Византии другой принцип композиции, который он наблюдал в поэзии Ефрема Сирина. Он описал его как логику медитации, т.е. вовлечённости в текст, который создаётся как бы сам, развивая собственные символы. Риторическое построение предполагает дистанцию автора от текста, его власть над изложением. Автор решил, чем дело кончится и каким путём он поведёт его к этому концу. В неожиданности перехода от первой части молитвы ко второй, в «прикровенности» того смысла, который этим руководит, мы видим действие медитативной логики. Аверинцев называет её ещё логикой пророческого текста.

В этом смысле центральный мотив молитвы, который как бы сам себя развивает, – это владычество Бога, которое признаёт над собой человек. Этот мотив появляется трижды: в первом и втором обращении (*Господь, Владыка, Господь, Царь*) и в именовании себя рабом (*даруй ми рабу Твоему*). Слово *раб* оживает здесь так же, как *Владыка* и *брат*.

Наконец, завершение молитвы – *яко благословен еси* – можно увидеть как своего рода обратную перспективу: обыкновенно псалмы, молитвы, песнопения начинаются с благословения Бога. За ним уже, за прославлением, следуют прошения. Здесь благословением всё кончается.

Источник: Нескучный сад

Расписание уроков

Любить – это баловать детей или доверять, уважать, готовить к взрослой жизни? Такой вопрос задают себе многие родители. Мы не исключение. Наши дети «особенные». Врачи их лечат, а мы их любим, и нам небезразлично их будущее

Урок первый: дети хозяева в доме, или взрослым вход воспрещён!

Жители Домика «В гостях у Незнайки» окружены постоянной заботой взрослых и плохо представляют себе реальную жизнь. У них нет опыта похода в магазин, приготовления обеда, ответственности друг за друга.

На зимних каникулах старшие «незнайковцы» учились жить самостоятельно, без помощи взрослых. Они переехали в пансионат «Надежда». Сами украсили ёлку, приготовили новогодний ужин, накрыли на стол. На следующий день, к удивлению сотрудника Фонда Константина (он присматривал за ребятами, но не вмешивался в их дела), на кухне и в доме был порядок. И так целую неделю. На обед, правда, были в основном пельмени. Зато сколько хочешь! Ребята довольны и хотели бы повторить эксперимент!

заниматься этой гимнастикой с нашими подопечными. Ребята учатся думать, обобщать, предвидеть...

На днях в «Незнайке» состоялся первый экзамен: сеанс одновременной игры с профессором. Без боя не сдался никто.

Урок третий: рукоделие

Для здорового ребёнка застёгивать пуговицы, завязывать шнурки, вырезать ножницами из бумаги, лепить из пластилина – обычные занятия. От наших подопечных

эти простые, казалось бы, действия требуют огромных усилий.

Посмотрите, это вышел Паша Н. Год назад врачи в Испании смогли поставить его на ноги, теперь ему предстоит операция на руках. А пока Пашка не теряет времени и разрабатывает руки самостоятельно.

Урок четвёртый: живопись

Дашу М. и Наташу Г. приняли в настоящую художественную школу – Школу акварели Сергея Андрияки. Девочки учатся там бесплатно (большое спасибо Сергею Николаевичу Андрияке!)

Девчонок очень хвалят, а Наташа – лучшая ученица в группе.

Урок пятый: учимся профессиям

Урок второй: гимнастика для мозгов

Именно так называл шахматы великий французский физик и математик Блез Паскаль.

По совету команды психологов и педагогов под руководством профессора Виктора Зарецкого мы решили

Женя С. на каникулах поработал в автосервисе у наших друзей. Всё было настоящим. Мастера показали Женьке, что находится внутри автомобиля, и он даже принял участие в ремонте двигателя. Женя остался доволен, но быть автомехаником пока ещё не готов. Он мечтает о карьере артиста: пишет стихи, учится музыке.

Урок шестой: работа над ошибками

Преодоление школьной «запущенности» стало главным направлением нашего сотрудничества с педагогами и психологами. Они предложили нам алгоритм «работы над ошибками», освоив который, ребята смогут самостоятельно справляться с трудностями в учёбе. А помогать им будут тьюторы. Они же теперь два раза в неделю сопро-

вождают в школу двух наших подопечных в инвалидных колясках – Пашу Н. и Сашу К.

Домашнее задание

Больница в последние годы приобрела (благодаря и вам, наши дорогие друзья) новейшее оборудование. Но лечат нас ЛЮДИ. Именно они должны владеть современными методами, а значит, постоянно совершенствоваться. Недавно в Фонд обратился главный хирург больницы профессор В.В. Николаев: Обучение врача не заканчивается студенческой скамьёй и продолжается всю жизнь. Высших уровней в профессии можно достичь, лишь перенимая новый прогрессивный опыт. К сожалению, последипломное образование наших врачей грешит изоляцией от внешнего мира, что приводит к запоздалому освоению новых методик. Что же

делать? Отдать наших детей в руки врачей, не владеющих современными методами лечения? Или помочь им научиться? А если помочь, то как? Как показывает мировой опыт, наиболее эффективны для совершенствования врачей стажировки и участие в мастер-классах, где выступают мировые светила и учат современным подходам к лечению. Возможна и прямая передача методик из рук в руки, прямо в РДКБ, приглашёнными специалистами из ведущих мировых клиник.

Родительское собрание

Детей надо баловать, тогда из них вырастают настоящие разбойники», говорила Атаманша в фильме «Снежная королева». Не согласна! Скорее так: детей надо любить, тогда из них вырастают настоящие ЛЮДИ – добрые, смелые, целеустремлённые.

Спасибо всем, что помогаете нам!

Ваша Л.З.

Оксана Головки Ярмарка для Насти

10 марта три московских прихода: Святой Троицы в Хохлах, Успения Пресвятой Богородицы в Газетном переулке и свв. бесср. Космы и Дамиана в Шубине провели благотворительную акцию, чтобы собрать деньги на лечение Насти Терлецкой. За день было собрано более полутора миллионов рублей

Главная Настина мечта – стать здоровой

«Настю я знаю уже почти пять лет, с начала её болезни. Диагноз ей поставили в августе 2008 г. – рак мозга, пинеобластома, – говорит Лидия Монинова, менеджер детской программы Фонда помощи хосписам «Вера». – За плечами у Насти шесть операций, облучение, химиотерапия, экспериментальное лечение в Германии, в Университетской клинике Вюрцбурга, затем хоспис, кома, кормление через зонд... А в декабре 2012 г., когда никто этого не ждал, девочка вышла из комы. При этом Настя говорит, что она не болеет, а живёт. Она со всеми шутит, всех веселит и не заикается на болезни. Но если спросить, какая у неё главная мечта, Настя отвечает: «Стать здоровой».

8 марта Настя уехала в Англию. Она взяла с собой раскраски, любимую мягкую игрушку и всюду учит английский. Мы оплатили первое время пребывания, первые обследования, консультации. На дальнейшее лечение как раз и собираем деньги. Настины родственники для этой ярмарки

испекли огромное количество пирожков и рулетов. Приезжал на ярмарку Настин папа. Терleckие – граждане Украины, законодательно никаких прав в России не имеют и просто потрясены, что такое количество людей готовы им помочь».

Аукцион и ярмарка

Ярмарка началась с аукциона, который вёл о. Алексей Уминский. Художники передали для продажи свои картины. Анна Десницкая представила удивительный деревянный домик, в котором включается свет, открываются двери... Юрий Рост напечатал лучшие свои фотографии и сам представлял их на аукционе. Леонид Вайнтрауб, искусствовед, знаток старой Москвы, принёс из своей

коллекции «Журналы Московской Патриархии» 1941, 1948 и 1959 гг. Сергей Чапнин, ответственный редактор издания, рассказал собравшимся об этих уникальных журналах, об истории Церкви в тот период. Певица Мария Батова, прихожанка храма Успения в Газетном, отдала на аукцион раритетные ноты, в т.ч. сборник сербских обиходных песнопений, изданный в середине XIX в.

После аукциона все отправились на ярмарку. Там можно было приобрести работы тринадцатилетней Маржаны Садыковой, выставка фоторабот которой недавно поразила москвичей. На исцеление самой Маржаны надежды очень мало, но она передала в помощь Насте сделанные ею украшения из полимерной глины.

Были на ярмарке и столы с работами учащихся воскресных школ трёх приходов.

«Мы решили, что это хороший повод научить детей жить в Церкви, – говорит Ксения Шляпина, прихожанка храма Успения, преподаватель воскресной школы. – Не просто говорить про Закон Божий, про христианство, а показать, как можно реально участвовать в общецерковной жизни, сделать какое-то доброе дело. Сначала мы рассказали детям о милосердии, о благотворительности, о великой княгине Елизавете Фёдоровне, о наших святах. После этого пригласили в гости Лидию Мониаву, которая поведала детям о Насте.

Ребята приступили к изготовлению поделок с горящими глазами и сегодня, придя на ярмарку, очень радовались, видя, как вещи, сделанные их руками, покупаются».

Библеист Андрей Десницкий купил на ярмарке подзорную трубу – сыну на день рождения. «Меня очень порадовало, что на ярмарку пришло столько людей, – говорит он. – Сейчас в России очень не хватает какой-то элементарной солидарности. Мы сетуем, что у нас одно плохо, другое плохо, что государство не обеспечивает, что живём мы не так, как хотелось бы. Да, всё это так. Но надо что-то пытаться сделать хотя бы на своём уровне, не дожидаясь глобальных изменений. И те, кто пришли на ярмарку, показали, что не трудно найти для этого повод.

Меня тронуло, что в такой трагичной ситуации, как болезнь ребёнка, можно, тем не менее, помогать весело. Вместо того чтобы рыдать и сетовать, почему бы не собраться, не сделать праздник, а заодно – собрать деньги больному ребёнку.

Подобная нота звучала и на выставке Маржаны Садыковой. Да, девочка больна. Но это не значит, что ребёнку уже ничего не нужно, кроме лекарств. Поэтому ей помогли не просто приобрести фотоаппарат, а устроить выставку. И когда смотришь на её работы, понимаешь: хотя жить ей осталось не так уж много, она видит красоту, ценит окружающий мир! А мы, которые рассчитываем прожить ещё не одно десятилетие, часто не в состоянии разглядеть эту красоту».

Чтобы Настя жила

«Опыт организации подобных массовых мероприятий у нас в храме есть, и довольно давний, – сказал прот. Алексей Уминский, настоятель храма Святой Троицы в Хохлах. – Они очень сплочают приход и привлекают к делам милосердия незнакомых новых людей.

В этот раз наши усилия объединились с приходами Успения Пресвятой Богородицы в Газетном переулке и свв. Космы и Дамиана в Шубине. Для них это был первый опыт массовых акций благотворительности, а для нас – первый опыт такого замечательного сотрудничества. Мы не ожидали, что будет такое количество людей, что удастся собрать за один день такую сумму. Для меня это проявление милости и чуда Божия. Хочу выразить огромную благодарность всем людям, которые отозвались, пришли, принесли свои вещи для ярмарки и для аукциона.

Мне было очень радостно, что на ярмарке с концертом выступил мой близкий друг Алексей Паперный. Его имя привлекло к ярмарке много людей, которые пришли, чтобы услышать его. И он пел по-настоящему, от сердца...

Среди присутствующих я увидел прихожан не только трёх приходов-организаторов, но и многих других приходов Москвы. Это очень важно, потому что опыт проведения таких благотворительных акций может послужить новым этапом в милосердном служении. Можно собирать таким образом средства для нуждающихся людей, будь то дети, которым необходима операция, заключённые, дети, находящиеся в детских домах...

Происходит этот сбор не просто по какой-то разнице сверху, а именно – как общее дело, как продолжение Литургии, как то, через что люди начинают общаться на глубинном уровне, понимать свою личную ответственность за происходящее... Это приносит полноту понимания твоего места в Церкви.

Собранные на ярмарке деньги – ещё не всё, что требуется для Насти. Мы будем продолжать дальше этим заниматься, готовы передать эстафету и другим приходам. Если кто-то заинтересуется, как организовывать подобные акции, захотят помочь Насте, я с удовольствием помогу.

Но главное, чтобы кроме этих обычных дел милосердия мы не забывали, что на первом месте стоит наша молитва. Молитва о тех, кто в ней прежде всего нуждается. Я знаю, что на сайте «Православие и мир» очень много посетителей, которые прочтут это. И если кто-то не сможет перечислить денег, ведь многие

живут очень и очень непросто, пусть помолится, чтобы Господь пришёл на помощь, чтобы Настя жила».

Напоминаем, что стоимость лечения – 13 млн рублей. Часть средств (5 млн) была собрана ещё до ярмарки, 1,5 млн – на ярмарке. Для Насти осталось собрать около 7 млн рублей.

Фото Владимира Горбунова
Источник: www.pravmir.ru

Светлана Файн

Утешение для тех, кто одинок

В первое воскресенье марта, в Неделю о блудном сыне, в нашем храме была отслужена панихида по бездомным, скончавшимся от переохлаждения этой зимой на столичных улицах

Это печальное весеннее богослужение стало уже традиционным – по инициативе членов группы «Друзья общины святого Эгидия», многие из которых являются прихожанами данного храма, поминовение замёрзших бездомных совершается уже в седьмой раз. С каждым годом в этот день в храм приходит всё больше бездомных, вместе с ними молятся прихожане и волонтеры.

Имена далеко не всех погибших на улицах известны. Но каждый год в списке поминаемых значится имя Лилии Зуевой – одной из первых подруг волонтеров движения «Друзья на улице». История этой женщины очень проста и трагична. Она воспитывалась в детском доме, вышла замуж, родила двоих детей. Муж её бил, и она вместе с ним. Семья распалась, и Лилия оказалась на улице. Жила в переходе метро на «Чистых прудах» и умерла 16 февраля 2006-го в возрасте 44 лет. Она была бы быстро забыта, как забывают многих людей без дома и без семьи. Но Лилия не была одна: каждую неделю «Друзья на улице» приносят своим бездомным друзьям еду, горячий чай и радость общения. И уже 7 лет участники движения «Друзья на улице», бездомные, прихожане храма собираются, чтобы вспомнить её и многих других ушедших бездомных друзей.

Как свидетельствуют сами бездомные, панихида – большое утеше-

ние для тех, кто одинок, кто боится, что его жизнь пройдёт незаме-

Бездомных, как правило, даже не отпевают. Обнаруживают труп на улице, вешают номерок... И если у него не было знакомых среди «благополучных», рассчитывать ему не приходится и на последнюю милость.

www.miloserdie.ru

ченной и никто даже не вспомнит его имени. «Эта молитвенная память делает всех более человечными, учит не смиряться с тем, что на улицах города замерзают и умирают люди, и работать, чтобы менять жизнь тех, кто страдает», – говорят волонтеры.

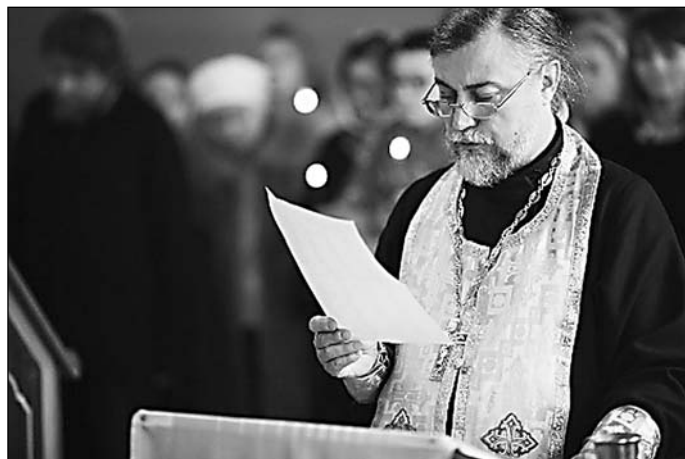
На эту поминальную службу пришло около тридцати бездомных, которые молились о своих погибших товарищах. Для них эта панихида явилась большим утешением, подтверждением, что и о них будут помнить, если, не дай Бог, с ними что-то случится. И для нас это тоже важно. Ведь если мы сами не смогли помочь этим погибшим людям при их жизни, то теперь мы можем хотя бы молиться об их душах.

Прот. Александр Борисов
www.miloserdie.ru

«Молитвенная память являет глубину любви Божией: Бог не презирает никого, для Него все живы и все любимы. В Неделю о блудном сыне мы молимся, чтобы все могли вернуться к Отцу», – сказал о. Пётр

никто не был забыт в этой большой семье домашних и бездомных, – едино.

*Фото Надежды Сокорева
Источник: www.blagovest-info*

Юлия Зайцева

Россия и Польша: исцеление памяти

22—23 марта в Культурном центре «Покровские ворота» состоялась Международная конференция «Память. Прощение. Примирение»

Встреча имела подзаголовок: «Читая “Совместное послание народам России и Польши председателя Русской Православной Церкви Патриарха Московского и всея Руси Кирилла и председателя Епископской конференции Польши архиепископа Юзефа Михалика, митрополита Перемышльского”» — и была посвящена осмыслению процесса примирения, важный импульс которому был дан в совместном документе, подписанном 17 августа 2012 г. В заседаниях приняли участие москвичи и гости из Польши, Нидерландов, Украины.

Приветствуя участников конференции от имени председателя Отдела внешних церковных связей митр. Волоколамского Илариона, сотрудник ОВЦС диакон Алексей Дикарев, отметив особый смысл обращения к столь важному документу во время Великого поста, подчеркнул, что в нём «содержится ясное богословское послание: наши Церкви имеют основание в одном Евангелии Христовом, сближение возможно только при возврате к основанию нашей веры — к Христу. Это движение только начало, нам предстоит вместе его совершить».

Доктор философии, академик РАЕН Валентин Никитин сделал акцент на главном тезисе документа — «идее примирения, продиктованного не политическими расчётами, а пастырской заботой и чувством ответственности за настоящее и будущее Церквей и народов». Оба иерарха призывают верующих «взглянуть на прошлое и будущее в христианской перспективе, т.е. в перспективе прощения». В. Никитин привёл ключевую фразу Патриарха Кирилла, сказанную накануне подписания документа: «Необходимо сменить тональность отношений между нашими странами и народами. Чтобы сменить эту тональность, нужно произнести одно слово: “прости”». Для осмысления «Совместного послания», широкой рецепции его идей необходим диалог, который надо вести в обеих странах и в обе-

их Церквях, на всех уровнях и в разных направлениях.

Если в России общественная реакция на «Совместное послание» была сдержанной и широкого обсуждения его не последовало, то в Польше, по словам Мартина Пшецишевского, директора Католического агентства информации (КАИ), происходило «что-то невообразимо прекрасное». Позитивная реакция на подписание документа «превышала все ожидания»: несколько дней это событие было главной новостью на всех телеканалах Польши, люди восторженно встречали на улицах Варшавы кортеж Патриарха. «В широких кругах польского общества есть огромное ожидание, что в отношениях наших народов произойдёт что-то новое. ...Несмотря на взаимные раны, невыясненные, болезненные моменты нашей истории, есть огромное основание для созидания чего-то нового и позитивного».

В своём докладе он показал долгий путь польского народа к преодолению исторических ран, начавшийся ещё в 1965 г., после II Ватиканского Собора, когда было подписано «Совместное послание народам Польши и Германии». «Этот глубоко христианский факт стал началом дискуссии в Европе. Два народа, ранее весьма враждебных, в настоящее время являются двумя самыми тесно взаимодействующими народами Европы», — сказал М. Пшецишевский. Он упомянул также об инициированном Церковью польско-украинском диалоге, который завершился в 2005 г. обоюдными словами: «Прощаем и просим прощения».

Российско-польское «Совместное

послание» готовилось долго: трём годам работы над текстом предшествовали значимые шаги по сближению Церквей, начиная с 1988 г. Директор КАИ подробно рассказал о взаимных церковных визитах 1990-х гг., об участии делегации РПЦ в Гнезненских съездах, о посещении архиеп. Хенриком Мушинским Троице-Сергиевой лавры, о закладке в Нило-Столобенском монастыре, где был лагерь для польских военнопленных, часовни в честь Ченстоховской иконы Божьей Матери и о мн. др.

Отвечая на вопрос, почему авторы «Совместного послания» не использовали формулировку «Прощаем и просим прощения», М. Пшецишевский отметил, что «ситуация должна созреть». «Мы находимся ещё на очень раннем этапе, для примирения необходимо исцеление памяти, впереди огромная работа», — сказал он, процитировав ключевые слова «Послания»: «Мы призываем наших верующих просить прощения за нанесённые друг другу обиды, несправедливость и всякое зло. Мы верим, что это первый и самый важный шаг к восстановлению взаимного доверия, без которого нет ни подлинного человеческого со-

общества, ни подлинного примирения».

В чём должна заключаться работа по «исцелению памяти»? По мнению руководителя КАИ, два народа должны стремиться лучше узнать друг друга. Это и «обмен дарами» (в Польше хотели бы узнать о богатой русской литургической традиции и могли бы поделиться опытом евангелизации современного мира), и изучение и прояснение общей истории, весьма сложной.

О «болевых точках» в российско-польском прошлом напомнил член правления общества «Мемориал» Александр Даниэль. «После Грюнвальдской битвы 1410 г. положительных моментов в этой истории, пожалуй, не было», – отметил он, перечислив события от Ливонской войны до Второй мировой. Историческую память нельзя недооценивать или нивелировать, «национальные образы прошлого» не совпадают у русских и поляков, но важно, «не отказываясь от своей трактовки, иметь в виду и трактовку соседа», считает А. Даниэль. Позиционируя себя как человека нерелигиозного и «стесняясь давать советы в области межконфессионального диалога», он предложил универсальную формулу взаимоотношений: «Мы – люди друг другу», которая позволяет, учитывая все различия, относиться друг к другу с уважением.

Профессор Андрей Зубов посвятил свой доклад нравственным урокам, которые следует извлечь из исторических взаимоотношений России и Польши. Прощать другого, не оправдывая себя, не вспоминая обиды и не воспламеняясь «священной ненавистью» – именно эту задачу ставит перед каждым христианином «Совместное послание». Историк говорил также об опасности отождествления Церкви и «светской нации», подмены духовной мотивации политической в сложном процессе примирения.

Будучи членом польско-российской группы по сложным вопросам, польский историк Анджей Граевский хорошо представляет себе масштаб неразрешённых проблем, особенно касающихся периода Второй мировой войны и

послевоенной Европы. Он убеждён, что большая часть проблем обусловлена тем, что в Польше «оценили коммунизм и провели процесс декоммунизации, а в России этого нет». Отсюда, по его мнению, половинчатость решений российских властей по Катыни, недоступность российских архивов, незавершённость процесса реабилитации жертв и осуждения палачей. Он подробно рассказал о про-

Необходимо сменить тональность отношений между нашими странами и народами. Чтобы сменить эту тональность, нужно произнести одно слово: «прости».

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл

граммах польского Института национальной памяти, в частности – по воспитанию молодёжи. В результате «молодое поколение поляков отвергает коммунизм гораздо жёстче, чем старшие» – в этом А. Граевский видит «реальный плод декоммунизации».

Несмотря на взаимные раны, невыясненные, болезненные моменты нашей истории, есть огромное основание для созидания нового и позитивного.

М. Пшецишевский, директор КАИ

В России, в отличие от Польши, сохранение исторической памяти не является государственной программой, отметил прот. Кирилл Каледа, настоятель храма Свв. новомучеников и исповедников Российских в Бутове. Он поднял вопрос о том, что память должна быть конкретной, личной, что необходимо извлечь из небытия имена всех погибших в годы войны и массовых репрессий. Об этом же говорил богослов из Харькова Александр Филоненко, который считает, что для передачи памяти надо задуматься над «особой педагогикой благоговения и свидетельства, олицетворения истории».

Православный писатель Джим Форест (Нидерланды) анализировал проблему соотношения религиозной и национальной самоидентификации. Если национальная идентичность выходит на первый план, то неизбежно «крест превращается в древко знамени», «Христа оборачивают в национальный флаг». И тогда «не так

легко оставаться христианином, если только не пересмотреть Новый Завет», «вырезав» из него молитву Господню, Нагорную проповедь, послания апостола Павла и т.д. По словам писателя, осознание себя в первую очередь христианином, а уж потом человеком определённой национальности позволяет видеть в соседе человека, даже если исторически он считается врагом.

Православный теолог, профессор Михаил Клиггер (Польша) отметил, что ничего невозможно «вырезать» не только из Нового, но из Ветхого Завета, и привёл яркие библейские примеры, свидетельствующие о богословской основе «исцеления памяти».

Что делать с неисцелёнными ранами прошлого? С позиций священника и психолога рассмотрел эту проблему клирик храма свв. Космы и Дамиана в Шубине о. Пётр Коломейцев. Он убеждён, что в процессе уврачевания ран народам Польши и России необходимо сосредоточиться

не на общих обидах, а на общих святынях. Как именно это можно сделать, при этом «называя вещи своими именами», показала на примерах философ и веду-

щая радио «Град Петров» Марина Михайлова.

Во второй день конференции было уделено внимание следующим темам: «Роль Церкви в исцелении ран прошлого. Новомученики, их «послание» сегодняшнему дню»; «Россия и Польша – соседи, бывшие противники (в истории), партнёры, братские народы? Возможно ли сотрудничество и общее свидетельство?»; «Память и культура». Конференция завершилась российско-польским литературно-музыкальным вечером, который прошёл в Христианском культурном центре «Встреча».

Всестороннее обсуждение «Совместного послания народам России и Польши» продолжится 17–19 июня на международной конференции «Будущее христианства в Европе: роль Церквей и народов Польши и России» в Варшаве.

Источник: Благовест-инфо

Духовные и культурные связи России и Грузии выкорчевать невозможно *Юлия Зайцева*

Второй вечер из цикла «Россия и Грузия: взаимное притяжение культур» состоялся 3 февраля в Христианском культурном центре «Встреча». Участники паломнических поездок в Грузию и просто люди, чувствующие особую любовь к этой стране, беседовали о её культуре и христианском наследии

Руководитель центра «Встреча» **Карина Черняк**, которая провела детство в Грузии и недавно навещала любимую страну, засвидетельствовала, что «духовное возрождение в Грузии идёт, и мы многому можем у неё поучиться».

В первую очередь, поучиться можно у святых, которых дала православия Грузия. Их опыт говорит о том, насколько глубоко христианство проникло в сознание жителей Грузии, отметила искусствовед **Ирина Языкова**.

Она подробно рассказала о жизненном пути схиигумении Фамари, урождённой княжны Тамары Александровны Марджановой (1869–1936). Родившись в Грузии, она прославилась в России, поэтому о ней говорят: «грузинская княжна, русская святая». Будучи одной из самых завидных невест Грузии, подающим надежды музыкантом, Тамара с юных лет, несмотря на сопротивление родных, выбрала иноческий путь. Она приняла постриг с именем Ювеналия в Бодбийском монастыре, где в IV в. скончалась и была погребена св. равноапостольная Нина, просветительница Грузии.

Схиигумения Фамарь

Ирина Языкова обратила внимание на промышлительные встречи будущей схиигумении со св. прав. Иоанном Кронштадтским. Так, задолго до пострига прозорливый старец возложил на юную послушницу Тамару три креста и произнёс: «Вот такая у меня игумения – посмотрите на неё!». Впоследствии она действительно была настоятельницей трёх монастырей, а петербургский пастырь не раз помогал ей в трудных ситуациях.

Матушка Ювеналия возглавила монастырь в Бодбе, когда ей было немного за 30, и тут же ока-

залась на передней линии конфликта местных крестьян и революционеров-экспроприаторов. Среди них, вероятно, был и молодой Иосиф Джугашвили, известный дерзкими «экспами», предположила И. Языкова. Матушка защищала обижаемых, и это сделало её мишенью для революционных разбойников. Указом Святейшего Синода она была переведена в Москву и назначена настоятельницей Покровской общины сестёр милосердия. Здесь матушка Ювеналия очень сблизилась с Великой княгиней Елизаветой Фёдоровной, создавшей Марфо-Мариинскую обитель.

Жизнь близко свела её с такими столпами православия, как прп. Анатолий Оптинский, митрополит Московский Владимир (будущий новомученик), митрополит Флавиан (Городецкий), Макарий (Невский). По повелению Божией Матери и по благословению старцев матушка основала в 1910 г. в Подмосковье Серафимо-Знаменский скит, где приняла схиму с именем Фамарь. В 1918–1919 гг. она укрывала в скиту будущих новомучеников Российских – архим. Серафима (Звездинского) и еп. Арсения (Жадановского), ко-

Бодбийский монастырь

Серафимо-Знаменский скит

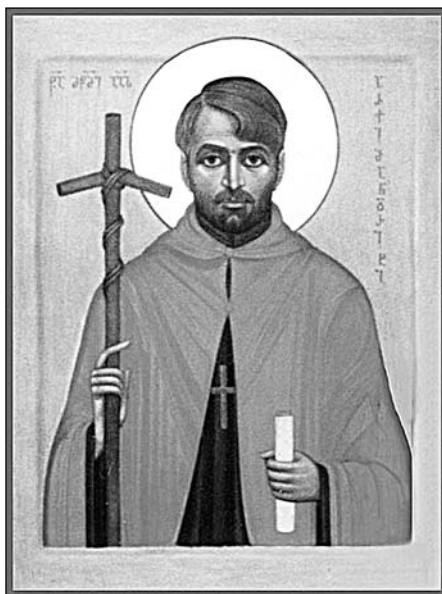

Схингуменья Фамарь.
Портрет работы П. Корина

торый стал её духовником до самой кончины. Скит был закрыт и уничтожен большевиками в 1924 г. В 1931 г. матушка была арестована и после приговора сослана в Сибирь на три года. Где бы ни оказывалась матушка Фамарь: в камере с уголовницами, на пересылке, в крестьянской избе под Иркутском, – везде люди ощущали силу её молитвы, доброту сердца, готовность помочь и обласкать любого. Ссылка подорвала здоровье матушки Фамари: вернувшись в Подмосковье, она скончалась 10/23 июня 1936 г. Заклячая рассказ о житии святой подвижницы, И. Языкова отметила, что в 1999 г. в Серафимо-Знаменском скиту началось возрождение монашеской жизни.

История новомученика Грузинской Церкви архим. Григола Перадзе (1899–1942) была представлена в документальном фильме, снятом Тamarой и Латаврой Дуларидзе, – «В поисках белого ангела». Линия жизни святого соединила несколько разных стран: родился он в Грузии, учился в Тбилисской духовной семинарии и в Боннском университете (Германия), где получил степень доктора философии. После прихода к власти нацистов переехал в Польшу, где преподавал патрологию в Варшавском университете. Был рукоположен в священники в греческом православном соборе Лондона, а в Париже основал грузинскую церковь Святой Нино. Помимо пастырской и просвети-

Архим. Григол Перадзе

тельской работы, архимандрит (с 1934 г.) Григол вёл значительную научную работу по изучению древней грузинской культуры и памятников письменности. После вторжения гитлеровских войск в Польшу в 1939 г. всё изменилось: о. Григол не скрывал своей солидарности с евреями, всячески помогая им. 4 мая 1942 г. он был арестован гестапо и отправлен в Освенцим.

Там он принял мученическую кончину, отправившись в газовую камеру вместо еврея, имевшего большую семью. Григол Перадзе был канонизирован Грузинской Православной Церковью в 1995 г.

На вечере поэт и переводчик Владимир Леонович так читал свои стихи о Грузии и переводы из Галактиона Табидзе, что один из грузин горячо заверил выступавшего: любой его соотечественник отдал бы жизнь за поэта. О великодушии, особом гостеприимстве, красоте отношений, культуре застолья в Грузии говорили многие участники встречи. В частности, уроженец Грузии Леван отметил, что грузинское застолье не расценивается как «повод выпить», но является «действенным средством воспитания молодёжи, способствует сохранению общечеловеческих ценностей». С ним согласилась Карина Черняк, обратив внимание на то, что трансляция культуры, традиции доброжелательности по отношению к людям других религий и национальностей – всё это не требует специальных лекций или занятий, но передаётся в Грузии с молоком матери, из поколения в поколение. Как и отношение к России: несмотря на политические конфликты между Россией и Грузией, «невозможно выкорчевать глубокие культурные и духовные узы, которые уже сложились», заключила она.

Источник: www.blagovest-info.ru

Владимир Леонович

«Мы имеем только то, что отдаём»

В Харькове завершился традиционный Духовный фестиваль «Дух дышит где хочет», который вот уже в 16-й раз провёл Театр детей «Тимур» им. В. Сидина. Этой весной он собрал около 360 участников, представлявших 15 детских творческих коллективов города

Духовный фестиваль — не только смотр детских коллективов, не только яркие впечатления для юных и взрослых зрителей, но ещё и обмен дарами. Для некоторых участников это единственная возможность выступить на большой сцене. Наши друзья из театра «Тимур», хозяева фестиваля, берут на себя все организационные заботы: у них своя сверхзадача — чтобы служение, начатое В.Е. Сидиным, продолжало жить. Марина, старшая его дочь, была и сценаристом, и режиссёром-постановщиком церемоний открытия фестиваля и его завершения. Для неё было очень важно, чтобы на экране появлялся сам Василий Евгеньевич и говорил зрителям те проникновенные, особенные слова, которые умел найти только он.

«Вот и ещё одно большое дело удачно завершено, — пишет Е. Сидина. — Все руководители детских коллективов отмечают ту же атмосферу доброжелательности, которую всегда поддерживал Вася». В отличие от других городских фестивалей, где царит дух соперничества и по сути оценивается работа руководителя, он создавал атмосферу праздника и творческого многообразия. И, конечно, каждый участник и самые активные зрители получили подарки — красочную энциклопедию и сладости. Но главное — это духовные уроки добра, красоты, бескорыстного служения людям, когда реальный смысл обретает известная мудрость: «Мы имеем только то, что отдаём».

Тимуровцы восстановили с новым актёрским составом уже второй спектакль — «Зелёное знамя надежды», особенно дорогой для Василия Евгенье-

вича, который стремился дать детям идеал для подражания и искал образы праведников, чтобы воплотить их на сцене. Посмотреть пьесу о Корчаке пришли актёры, игравшие в этом спектакле (теперь у них уже взрослая жизнь). На сцене стало больше маленьких исполнителей, из «старичков» осталось только двое: Настя Шарова и Антон Жилияков, исполнитель роли Корчака. Елена Сидина отметила, что Антон значительно вырос актёрски за прошедшие 6 лет. По отзывам зрителей, спектакль стал немного другим и таким нравится им ещё больше.

«Мы стараемся, — пишет Елена, — хранить традицию выездных спектаклей: в Качановскую женскую колонию, Дом престарелых, Куряжскую колонию для малолетних правонарушителей и детский приют. Эти благотворительные выступления — неотъемлемая часть фестиваля. Традиционны для нас и вечерние мероприятия для старшеклассников и взрослых зрителей. В этом году состоялась встреча с известным режиссёром-доку-

менталистом, писателем, художественным руководителем тетра детей “Андерсен” Александром Столяровым с показом его игрового фильма “Старец Паисий и я, стоящий вверх ногами”, удостоенного первого приза на Киевском православном кинофестивале “Покров”.

Яркое впечатление произвела на старших тимуровцев встреча с педагогом Франко Нембрини, ди-

ректором созданной им школы «Ла Трачча» (Бергамо, Италия), представившим свою книгу «От отца к сыну». Он написал также три книги о Данте и его «Божественной комедии» (из скромности автор называет свои исследования «Данте для домохозяек»). «Особенно мне запомнились, – продолжает Елена Сидина, – некоторые его мысли о воспитании: “У моего отца было 10 детей, и больше всего

я благодарен ему, что он занимался своей святостью, а не нашей”. И ещё: “Настоящим педагогом может стать только счастливый человек”. В общем, оказалось, что есть в Италии очень близкий нам по духу человек, и никакие преграды не мешают духовному взаимопониманию».

Завершился фестиваль спектаклем «Железный дровосек, или Дорога домой». Гость из Италии не скрывал восхищения и подарил тимуровцам свою книгу с такой надписью: «Научающий других правде будет сиять, как звезда, навеки. Со всей моей любовью и благодарностью».

А. К.

Дорогие братья и сёстры!

В этом году ребята из Харькова готовы привезти нам два спектакля: помимо «Дровосека» они подготовили театрализованную композицию «Мы дети Твои, Богородица». Наш отец настоятель благословил показать её в храме в рамках Пасхального фестиваля. Харьковские железнодорожники вновь готовы дать детям бесплатный вагон до Москвы и обратно.

Смогут ли тимуровцы, большинство из которых – новички в театре, а также дети-сироты-инвалиды, неизменно участвующие в спектаклях, приехать на гастроли в Москву, зависит от нас.

Ваши пожертвования вы можете оставить в киоске, написав конверт, по воскресеньям – опустить в ящик в гардеробе или отдать А. Калмыковой

А душа вспорхнула птицей *Олег Стенурко*

В этом году
Зое Афанасьевне Маслениковой
(02.10.1923—09.02.2008)
исполнилось бы 90 лет.

В Христианском культурном центре
«Встреча» прошёл вечер, на котором
выступили те, кто знал эту замечатель-
ную женщину, были показаны слайд-
фильм с фотографиями из семейного
архива и видеовыступление
Зои Афанасьевны

Ведущий вечера, поэт **Александр Зорин**, напомнил, что Зоя Афанасьевна была редактором книг о. Александра Меня и всячески помогала ему в приходе Новой Деревни: снимала рядом с храмом домик, чтобы люди могли у неё подождать о. Александра, выпить чаю. Когда настоятель храма о. Стефан запретил о. Александру принимать людей в церковном домике, дом З. А. остался единственным местом, где он смог встречаться и разговаривать с людьми.

«С Зоей Афанасьевной меня познакомил в 1976 г. в Новой Деревне о. Александр, — рассказал **В.И. Илюшенко**. — Довольно скоро у нас с ней установились дружеские отношения. Эти отношения знали периоды взлётов и охлаждения, мы часто спорили, но всё-таки дружба сохранилась до самого конца. Что сразу бросалось в глаза в Зое? Её активность, энергия, общительность, любознательность, равнодушие. А. Тарковский писал о Мандельштаме: «Встречных с лёту брал в зажим». Вот и Зоя Афанасьевна «встречных с лёту брала в зажим». Ей все были интересны.

К концу 1977 г. о. Александр стал создавать молитвенные группы (он их называл «общениями»). В первую из таких групп он включил нас с Зоей Афанасьевной, программистов Володю и Женю Архиповых, физика, профессора МГУ Роберта Минлоса, инженера Льва Теренцконого (знаюмого Юлии Николаевны Рейтлингер, иконы которой он пересылал из Ташкента в Москву), ещё кое-кого.

В задачи группы входили общая молитва, изучение Св. Писания, взаимопомощь и помощь всем, кто в этом нуждается. Начали мы с самых первых глав Библии и прошли её до конца, подробно обсуждая каждый стих. Мы собирались каждую неделю и были очень увлечены. Это продолжалось немало лет. Трактовки Зои Афанасьевны были оригинальными, иногда неожиданными. О. Александр приходил к нам раз в месяц и подводил итог нашим обсуждениям.

У Зои был решительный, твёрдый характер. Это была волевая и в тоже время страстная натура. К тому же она была наделена лидерскими качествами. Это проявлялось в её отношениях с людьми. Не всем это нравилось, иногда создавало проблемы и приводило к разного рода коллизиям и недоразумениям. Она ещё любила людей поддразнивать. Не все понимали её юмор и часто

обижались. Она сама признавалась о. Александру, что у неё «кризис общения с людьми». Но трудности, препятствия её не останавливали. Наоборот, они её мобилизовывали. Она никогда не сдавалась.

Две встречи определили многое (и, наверное, главное) в жизни и судьбе Зои Афанасьевны — встреча с Борисом Пастернаком и встреча с о. Александром Менем. В 1958 г. она пришла к Пастернаку и, заручившись его согласием, стала лепить с натуры его портрет. Он ей позировал. Она это делала в течение полутора лет и постоянно общалась с Борисом Леонидовичем. Он был с ней очень откровенен. Потом, уже после его смерти, она опубликовала книгу «Портрет Бориса Пастернака», где приведена подробная запись его разговоров с ней. Самое интересное там — его рассуждения о жизни, искусстве, поэзии, о своём романе...

Встреча с о. Александром полностью изменила жизнь Зои Афанасьевны, её духовный склад. Она была глубоко предана отцу и написала наиболее полную его биографию — книгу «Жизнь отца Александра Меня». Там собран огромный материал о нём — от его происхождения, детства, юности, творчества, пастырства вплоть до его гибели. Книга богато иллюстрирована фотографиями, рисунками. В ней воспроизведена обширная переписка с отцом.

Особая заслуга Зои Афанасьевны — то, что она уговорила отца изложить своё кредо, написать про свой духовный опыт, ответить на вопрос, что такое любовь. Всё это есть в её книге. Она взяла на себя редактирование книг о. Александра. Я был знаком с образцами её правки и не всегда соглашался с ней, но отец, человек гораздо более терпимый, чем я, всё принимал...»

Дочь Зои Афанасьевны Даша рассказала: «Все мамыны книги выросли из её дневников, которые она вела практически всю свою жизнь. Она часто говорила, что не очень ценит художественную литературу, предпочитает мемуары, потому что жизнь интереснее, чем любой человеческий вымысел.

Она была очень внимательна к жизни — и к её бытовым подробностям, и к поворотам событий, в которых всегда старалась увидеть их глубинный смысл. Ей помогала великолепная память, разговоры с людьми она воспроизводила почти дословно, очень живо и образно. Её рассказы напоминали прит-

чи. Её идеалом были люди эпохи Возрождения, талантливые в любом проявлении своей личности. Она была убеждена, что человек должен за жизнь раскрыть всё, что в нём заложено, и сама перепробовала множество путей – переводчика, скульптора, редактора, поэта, преподавателя, писателя. Ей везло на знакомства с масштабными людьми, у них с ней было много общего. Она была хорошим собеседником, обладала даром творческого диалога – легко подхватывала любую мысль и развивала дальше. Разговоры с Борисом Пастернаком не превратились бы, наверное, в материал для книги, если бы ему самому не было интересно общаться с ней.

Все мамыны книги – это разговор с теми, кого она любила. Диалог для мамы был основной формой сознания. Она рассказывала, что непрерывно вела внутренний диалог – с реально существовавшими собеседниками, иногда с вымышленными, со знакомыми, с авторами прочитанных книг и с их героями. Позже – с Богом.

Встречи и разговоры превратились впоследствии в книги. Беседы с Пастернаком – в книгу «Портрет Бориса Пастернака», знакомство с литовским священником о. Станиславом Добровольским – в малоизвестную, к сожалению, книгу «Литовский семисвечник», сотрудничество с о. Александром – в «Жизнь отца Александра Меня», дружба с французским военнопленным Эженом Сент-Эвом, с которым Господь снова свёл её через 50 лет разлуки, – в «Маленький французский оазис».

Юрий Пастернак процитировал запись из дневника Зои Афанасьевны, сделанную в день, когда вандалы разгромили её мастерскую и разбили все скульптуры: «Ты этого хотел, Друг? Ты хотел, чтобы я Тебе служила, не отвлекаясь ни на что?» После этого разгрома от скульптуры Ахматовой осталось только фото.

Выступления очень интересно комментировал **А. Зорин**.

Он рассказал, что скульптурный портрет Б. Пастернака несколько раз разрушался. Сначала его хранили на открытой террасе, и пластилиновый портрет растаял от солнца, затем гипсовую отливку из ревности разбил бывший муж З.А. Хотя она каждый раз восстанавливала портрет, Пастернак это воспринимал как

фатальный знак его судьбы, и действительно, после второго разрушения портрета через несколько месяцев поэт скончался.

Людмила Степурко рассказала, что в самый трудный для неё период, когда начальство заставляло её вступить в партию и стать секретарём комсомола большого текстильного производства, З.А., у которой Люда тогда брала уроки, помогла ей найти аргументы для отказа, а потом познакомила с о. Александром и с будущим мужем.

Я начал выступление с цитаты из Н. Бердяева: «Мир заколдован злом, и христианин призван расколдовать его творчеством любви».

Эта фраза могла бы быть девизом всей жизни З.А., ибо она постоянно фонтанировала идеями, замыслами и проектами. Так, мы с ней в 70-х годах ходили в Радонеж, когда о возвращении храма на родине прип. Сергия и мечтать было нельзя. Как-то она предложила сделать праздник Пятидесятницы в лесу, и все подготовили програм-

му, а я сочинил песню «В комнату ворвался свежий ветер». Или она разорвала на части английскую христианскую книгу и раздала для перевода всем прихожанам, кто знал английский, – каждому досталось по главе. Или взялась за составление антологии христианской поэзии – наверное, первой в СССР, от Феофана Прокоповича до поэтов-современников.

Вместе с **Катей Волошиной** мы исполнили песню «Колокол» на стихи Зои Афанасьевны. Сейчас стало понятно, что это стихотворение – о ней самой. Песня записана на последнем моём диске «Песни Новой Деревни».

Я вспомнил, как З.А., которая всегда жила очень скудно, однажды совсем осталась без денег и продуктов; тогда она пошла на новодеревенское поле, нашла там две замороженные свёклы,

разморозила их и с удовольствием съела.

Всех рассмешил **Володя Сидоров**. Он рассказал: когда начались обыски в приходе, его позвала З.А. и вручила два огромных чемодана с рукописями о. Александра. «И когда я входил в метро, на меня и мою поклажу вдруг стал очень пристально глядеть милиционер. Тогда я начал помахивать чемоданами, как будто в них лежат не пудовые книги, а лёгкое бельё из прачечной». Дело в том, что в то время москвичи носили постельное бельё в прачечную в чемоданах.

«Это было в 84-м году, – продолжил Володя, – когда З.А. у себя дома устроила капутник, сценарий которого с бесподобным юмором написал Владимир Ильич Илюшенко. Когда в конце капутника мы вышли втроём, играя пионерский марш (я на барабане, Олег Степурко на горне и Саша Кунин с красным флажком), в пионерских галстуках, шортах и красных пилотках, стали читать монтаж, который пионеры обычно читали на разных коммунистических собраниях, и закончили традиционными для таких речёвок словами «Партия! Ленин! Коммунизм!», заменив их на «Церковь! Батюшка! Экуменизм!» – о. Александр от смеха рухнул со стула».

Юра Пастернак тоже повеселил публику. В молитвенной группе с З.А. они практиковали разные духовные упражнения, давая которые она была большая мастерица. «Мы могли сесть за стол, на котором стояло блюдо с лимоном, и каждый был должен связать этот объект со вселенским духовным миром. Или однажды она дала такое духовное задание на неделю: отдать любую, даже самую ценную вещь, какую бы ни попросили. И надо же было такому случиться – именно в эту неделю И. из Ташкента присылает своего друга, который, увидев мои виниловые пластинки, начал ими восхищаться. И мне ничего не оставалось, как предложить ему выбрать понравившиеся (а в то время цена одного фирменного диска – это месячный оклад рабочего). На следующий день неожиданно пришёл старинный друг и начал восхищаться моим уникальным греко-русским словарём, который тоже пришлось подарить. А сделать мне это было особенно трудно: в то время я брал уроки греческого языка у профессора МГУ и

даже ходил к нему на лекции вольнослушателем. Эта книга была у меня практически настольной. Но и на этом, – грустно продолжил Юрий, – не закончилось мои испытания. На следующий день я подарил отличную гитару моему ученику, а днём позже отдал 8 учеников своему коллеге, хотя именно в то время мне позарез нужны были ученики». Надо сказать, что зал каждую потерю Юры встречал весельем, а на последней «жертве» все просто падали от смеха (видимо, ничто так не радует, как духовная жизнь ближнего). Потом Юра исполнил две песни на стихи З.А., одна из которых посвящена о. Александру Меню.

Марина Роднянская рассказала о знакомстве с З.А. и сыграла Шопена. Он прозвучал не случайно.

З.А., кроме того что была писателем, скульптором, художником, не могла жить без музыки и постоянно музицировала на пианино. Последний инструмент она купила незадолго до смерти.

Владимир Ерохин поведал несколько забавных историй. Жизнь З.А., как жизнь всякого значительного человека, со временем обросла мифами и анекдотами. З.А. как-то заметила, что о. Александр сильно кашляет, и решила, что ему необходимо поставить банки. Случайно спирт пролился на спину о. Александра и загорелся. У него после этого остались шрамы на спине. Но это только часть истории. Накануне прихода Н., которая совершила ошибку, взбудоражившую весь приход, стояла спиной к зажжённой газовой плите, и на ней загорелась кофта. Она получила ожоги спины. Но после того, как о. А. принял эту боль на себя, Н. очень скоро выписалась из больницы, и, что самое удивительное, у неё почти не осталось шрамов.

Даша Масленикова говорила о реальности духовного опыта своей матери: «Я была, как большинство подростков, не сахар, характер у мамы – резкий, в результате наши конфликты доходили до крайней взаимной обиды. Так вот, когда после утренней молитвы она заходила ко мне в комнату, я, забыв про всё вчерашнее, упрашивала её посидеть со мной подольше. Она была так пропитана светом и теплом благодати, что казалось – ею можно дышать, можно потрогать её руками. В этом состоянии мама заряжала людей верой, как электричеством, да и притягивала их к себе, как магнит...». Многие отмечали, что у З.А. был сложный характер, что она была чересчур прямолинейна и бескомпромиссна. И если для многих она была дверью в Церковь, то для иных, наоборот, «камнем преткновения». Но не случайно о. Александр называл её «скорой медицинской помощью»: для новоначальных она была незаменима.

Зоя Масленикова

Отмеченность в России не прощают,
крестом отмеченность или пером.
Великим быть в России запрещают
свинцовой пулей или топором.

Что ж говорить про избранность еврея?
Талант и святость – к нападенью знак.
Убить и опорочить поскорее,
ату вас, Осип, Мень и Пастернак!

Пророка нет в отечестве? Да что вы?
Но чья же кровь у Лавры на земле?
А мы тысячелетие не готовы
увидеть Свет – и тычемся во тьме.

Для меня этот вечер стал космическим событием: я получил ответ на вопрос, который однажды задала З.А. о. Александру о своей посмертной участи. Я услышал его в какой-то особой атмосфере, ибо в выступлениях её друзей и учеников, в музыке, звучавшей в зале, в её видеообращении к нам – во всём этом вдруг ясно стал слышен звон пасхальных колоколов, возвестивших о рождении нового праведника.

Да, З.А. для многих была загадка, для многих соблазн, но часто именно таких людей, имеющих дерзновение и горящее сердце, прославляет Господь. Ведь святые – это не без-

грешные люди, а люди, прославленные Богом.

Вот почему уместно прозвучали слова покаяния, которые от имени всех нас принесла **Карина Черняк**. «Мы часто смеялись над нашими учителями, но теперь молодёжь подтрунивает уже над нами, мы им кажемся архаичными и в чём-то смешными. И когда время расставило всё на свои места, мы ясно увидели, кто был рядом с нами и кому Господь поручил не оставлять нас и нам помогать. Прости нас за всё, Зоя Афанасьевна».

Поскольку Царство Небесное начинается уже здесь, хочу в конце рассказать о чуде, которое устроил Господь для З.А. Однажды, случайно включив телевизор, я увидел встречу Зои с Эженом Сент-Эвом, с которым она подружилась в лагере для военнопленных, где была на практике. Зоя выглядела королевой, и, когда под аплодисменты зала вышел Эжен, это было незабываемое зрелище. Потом она ездила к нему во Францию... Их фото на фоне великолепных цветов напоминает Рай...

Когда её хоронили, я сочинил вот эти строчки:

*Поперхнулася могила
И на ящерику дивится.
Тело-хвостик проглотила,
А душа вспорхнула птицей.*

Дорогая Зоя Афанасьевна! Моли Бога о нас.

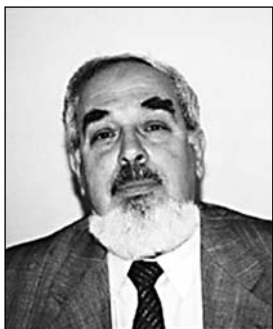

Фото В. Сидорова и из семейного архива

16 февраля ушёл из земной жизни Григорий Соломонович Померанц (1918—2013) – философ, востоковед, культуролог, публицист, член Академии гуманитарных исследований. Участник Великой Отечественной войны, узник ГУЛАГа... 13 марта ему исполнилось бы 95 лет

Павел Мень Он был уникальным человеком

— *С* кончался крупный русский мыслитель Григорий Соломонович Померанц. Ваша семья, особенно о. Александр, были связаны с ним. Что Вы можете сказать о его значении в русской культуре?

— Григорий Соломонович, конечно, был совершенно необыкновенным человеком. Существуют яркие писатели, художники, мыслители, но он

был уникальным человеком.

Мы познакомились очень давно – где-то в 60-х годах. У нас тогда была дача на станции «Отдых». Там Александр меня и познакомил с Григорием Соломоновичем. Я до сих пор помню, что они ходили, беседовали, а потом, к вечеру, Александр пришёл и сказал, что вот сейчас они пойдут молиться на закате. Это было так неожиданно...

Потом мы несколько раз пересеклись. Я сейчас не говорю о книжках, а просто о личных впечатлениях. Когда у нас были небольшие приходские кружки по изучению Писания, истории религии и т.д., мы пригласили Григория Соломоновича, чтобы он рассказал нам о дзен-буддизме. И это была очень интересная живая лекция. Я до сих пор помню её содержание, потому что он как-то этот мир приблизил к нам.

В книге Померанца «Великие религии мира» мы видим его широкий подход к религиозному опыту, к религиозному переживанию. Он всё время пытался осмыслить, какое место занимает традиция. Помню его высказывание, что буквальное следование традиции может привести в тупик. Но без традиции человек не может приобрести духовный опыт. Поэтому у него был, с одной стороны, противоречивый подход, а с другой стороны, такая широта, которую очень редко встретишь.

Конечно, его книги, в которых он рассказывает о своём подходе к религии, уникальны – я не могу найти никаких сравнений. Поэтому его уход – потеря для нашей культуры и для широты религиозного горизонта очень значительная.

— О. Александр исповедовал православие. А Григорий Соломонович был, безусловно, человеком верую-

щим, но не принадлежащим ни к какой конфессии. Как к этому относился о. Александр?

— О. Александр, конечно, прекрасно понимал, что это путь совершенно индивидуальный, самостоятельный. Поэтому они всегда общались с большим интересом. Они не были «сослуживцами» – в том смысле, что Александр служил Христу, и это было делом всей его жизни. Но подход, который был у Григория Соломоновича, Александр вмещал. Они обменивались соображениями, связанными с ориентализмом, с восточными культурами. Брат что-то, может быть, и уточнял для себя. Они как-то находили общий язык.

— Как о. Александр оценил книгу Померанца «Великие религии мира»?

— Понимаете, он создал свою серию книг о великих религиях. Я не могу сформулировать точную оценку, но то, что он создавал, он создал на том уровне, который ему казался правильным. И это всё-таки книги достаточно разные.

О. Александр всегда умел преподносить такие вещи в диалоговом режиме, рассуждая вместе с читателем. У него была, конечно, своя методика. И, наверное, он её считал более эффективной.

— Насколько в сегодняшних условиях велико влияние Померанца на духовную жизнь России?

— Всегда есть какой-то слой, который предпочитает идти не просто выбранной дорогой, но хочет видеть более широкие горизонты. В этом случае и книги, и подходы, и сама фигура Григория Соломоновича, безусловно, обогащают наши представления о разности взглядов.

Но я думаю, что это, конечно, круг небольшой. Тем более что у нас такой переходный период, когда, будем говорить, «хомо советикус» входит в какой-то поиск. Однако здесь много тупиков, которые никому не ведут.

В любом случае, если человек ищет каких-то пересечений с вечностью и ощущает необходимость в этом пути, то такого рода подход очень обогащает и даёт свободу. Важно, что Григорий Соломонович был свободным внутренне человеком. Значит, его вера была настолько глубинной, что его ничто не смущало.

Беседовал Владимир Ойвин

Источник: Портал-Credo.Ru

Александр Зорин

ПАМЯТИ ГРИГОРИЯ ПОМЕРАНЦА *Поэтический венок на могилу Мыслителя*

Бог поругаем не бывает.
Мудрец, не расставаясь с Ним,
Мытарства преодолевает,
Китайской казнию казим.
Чеканный профиль иудейский,
Чуть вскинутая голова...
Ответствует улыбкой детской
На хитроумные слова
Взбесившего оппонента,
Напялившего на себя
Роль русского интеллигента,
Лоб троеперстем осеня.
Со временем тускнеет глянец
Авторитета наверху.
И кто из них образованец,
Теперь уж ясно. Who is who.
Святых даров не причащался.
Креста на шее не носил.
На глубине *своей* общался
С Творцом Вселенной, Богом сил.
И знал, и чуял под собою
Страну. Со страстию хмельною
Не прижимал её к груди.
Не Русь была его женою,
А только Муза во плоти –
Была наперсницей чудесной.
Любовь, чем старе, тем верней –
Их возносившая над бездной,
Над бременем трудов и дней.

Избранные цитаты Григорий Померанц

Любовь так тесно связана с болью, что без готовности терпеть боль и страх боли она совсем невозможна (*«Открытость бездне. Встречи с Достоевским»*).

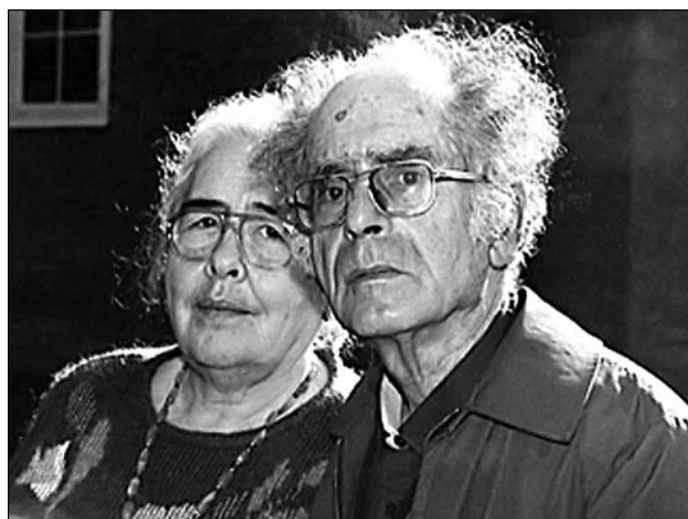
Без способности поставить себя на второе место, без способности умалиться – все дары становятся жерновами на шее (*«Открытость бездне. Встречи с Достоевским»*).

Интеллигентность – это внутренняя готовность к внешней свободе и готовность защищать эту свободу от покушения извне и от внутренних пороков, от превращения свободы во вседозволенность (*«Интеллигенция, интеллигенты и интеллигентность»*).

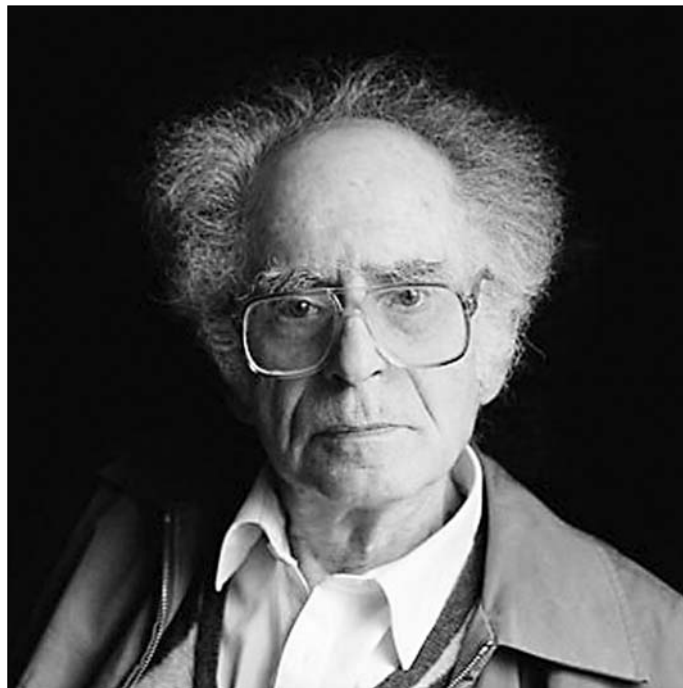
Опыт последних веков показал, как опасно доверять логике, не поверяя её сердцем и духовным опытом. Ум, ставший практической силой, опасен. Опасен научный ум со своими открытиями и изобретениями. Опасен политический ум со своими реформами. Нужны системы защиты от разрушительных сил ума, как на АЭС – от атомного взрыва. Ни один злодей, разбойник, садист не совершили столько зла, сколько энтузиасты благородных идей, прогрессивных идей, целенаправленного добра... Миллионы людей убивала идея окончательного решения, окончательного выхода из всех кризисов, идея прыжка из царства необходимости в царство свободы (или в другую утопию) (*«Саморегулирующаяся вавилонская башня»*).

Всякая личность начинается тогда, когда чувствуешь потребность выйти из толпы и ищешь какие-то твёрдые основания своего личного бытия, твёрдый стержень, твёрдую основу (*«Лекция»*).

В 1970 году, вдумываясь, почему Достоевский мало кого убедил своими «Бесами», я сформулировал догмат полемики: «Дьявол начинается с пены на губах ангела... Всё рассыпается в прах, и люди, и системы, но вечен дух ненависти в борьбе за правое дело, и потому зло на земле не имеет конца».

Григорий Померанц и Зинаида Миркина

В полемике 70-х годов я упорно, в мучительной борьбе с собой, смахивал с губ эту пену и сформулировал второй догмат: «Стиль полемики важнее предмета полемики. Предметы меняются, а стиль создаёт цивилизацию» (*«Догматы полемики и этнический мир»*).

Вера говорит: вспоминай свой грех. Вспоминай свою тоску, которая выталкивает тебя из греха (или из жизни, если иначе не выходит). Вспоминай своё отвращение. Это тоска по Богу. И она приведёт тебя к Богу, если будет достаточно сильной (*«Открытость бездне. Встречи с Достоевским»*).

Способность к счастью – признак гармонической личности, свободной от страха, суеты, запутанности в заботах, личности, способной брать от жизни то, что жизнь даёт, и давать ей всё, что жизнь требует (*«Счастье»*).

Наше спасение – в глубине, где вовсе не каждый миг вышний. На этой глубине человек, отбросив иллюзии, остаётся один на один с проклятыми вопросами, со страданием и смертью. Но я не променяю зарю, которую надо ждать, на электричество, вспыхивающее от нажатия кнопки. Я верю в зарю, и я не раз видел её.

Счастье – это не суррогат жизни. Это сама жизнь, открытая глубине, со всеми её бедами, но и с той силой, которую даёт глубина. Бог, скрытый в глубине, не страхует нас от несчастий, но он даёт силу переносить несчастия и, потеряв всё, начинать жизнь заново. Продолжая путь, мы опять должны войти в тёмное ущелье, но знаем, что выйдем снова на свет, и обрадуемся свету, и эту радость будем нести сквозь тьму – до следующего взрыва света (*«Подлинное и призрачное счастье»*).

Источник: pravmir.ru

Ольга Лаикова

«Ваш друг до конца»

Памяти Вана Клиберна

27 февраля 2013 г. пришло горестное известие: на 79 году жизни скончался Ван Клиберн. Ушёл из земной жизни человек, искренне, глубоко любивший Россию, русскую культуру. И многие сердца сжались: ведь он был для нас не просто знаменитым пианистом, а прежде всего замечательным человеком, с которым связана и наша «оттепель», и новое открытие классической музыки

18 марта 1958 г. в Москве состоялось невиданное событие: открылся Первый международный конкурс им. Чайковского. В жюри были теперь уже ставшие легендой Шостакович, Хачатурян, Гилельс, Рихтер, Д. Ойстрах, П. Коган... Надо сказать, что уровень советской музыкальной культуры был очень высок, хотя многие из членов жюри пережили сталинские гонения.

И вот в прессе и на радио появилось новое имя – Ван Клиберн, США (Вэн Клайберн – так звучит оно на самом деле). Молодой пианист обратил на себя внимание уже в первом туре, во втором публика горячо поддерживала его, а в третьем, после исполнения Первого концерта Чайковского, слушатели встали и начали скандировать: «Первая премия!».

И произошло чудо: первую премию дали американцу! Здесь нужно вспомнить обстановку тех лет, когда вся государственная машина, вся пропаганда работали на доказательство ведущей роли социализма, пусть не в экономике, так хотя бы в искусстве и спорте. Разумеется, была дана установка, чтобы на конкурсе победили советские музыканты. Но правда жизни, яркая, неодолимая, так сильно и неожиданно вырвалась на свободу, что все согласились: Ван Клиберн первый!

Высокий, с густыми вьющимися светлыми волосами, ясными глазами, одухотворённым лицом – он излучал радость и свет! Иногда он задумчиво запрокидывал голову, как будто вглядываясь в небо... Слушатели устроили пианисту овацию, задали цветами, и так – после всех его концертов в России (так он называл СССР), куда он стал приезжать на гастроли. У него появилось множество поклонников и поклонниц (шутили, что это женщины от 6 до 86). Говорили, что он похож на Есенина и на молодого Рахманинова. Его стали называть Ваней, Ванюшей.

Традиции пламенного поклонения особо выдающимся артистам очень оживляли жизнь наших двух столиц и до появления Клиберна. О поклонниках Лемешева и Козловского ходило много юмористических рассказов. Говорили, например, что гардеробщик в театре за определённую мзду разрешал поклонникам постоять в галошах Лемешева... После триумфального возвращения Вана в США девочка, его соседка, брала со сверстников небольшую плату, позволяя им посидеть на ограде, за которой был участок Клайбернов.

Личность пианиста оказала огромное влияние на слушателей, на молодёжь, на всю нашу жизнь. После конкурса классическая музыка приобрела особую популярность, занятия музыкой, посещение концертов стали массовым явлением. Игра Вана, яркая и эмоциональная, вдохнула жизнь и в исполнение классики, и в страну, в которую после долгой и мрачной зимы совсем недавно пришла «оттепель». Правда, «холодная война» ещё продолжалась, но и по ней молодой пианист нанёс сокрушительный удар.

В Штатах его ожидал восторженный приём. В память о дне триумфальной встречи Клиберна 20 мая в США стали отмечать День музыки...

Ван родился 12 июля 1934 г. в Шривпорте, штат Луизиана. В семье Клайбернов он был поздним, долгожданным и единственным ребёнком. Его мама страстно любила музыку, преподавала игру на фортепиано, отец работал в крупной компании. Когда Вану было 6 лет, семья переехала в Килгор, городок в Техасе.

«В доме Клайбернов царил атмосфера любви, преданности, веры, энтузиазма», – пишут его биографы. Родители с сыном были прихожанами баптистской церкви, Ван с детских лет пел в церковном хоре, а позже играл там на органе и рояле.

Будучи ещё начинающим музыкантом, он купил для своей церкви дорогой рояль и долго выплачивал кредит. В семье сформировались удивительные черты его характера – стремление благотворить, умение вести себя в любой обстановке... Христианская община, к которой принадлежали Клайберны, во время конкурса единодушно молилась о молодом музыканте и раньше всех узнала о его победе.

Музыкальным образованием Вана занималась мать, а после окончания Килгорского колледжа он поступил в знаменитую Джульярдскую музыкальную школу в Нью-Йорке. Его преподавателем стала Розина Левина, которая полвека назад окончила Московскую консерваторию с золотой медалью. Её имя значится на доске выпускников – золотых медалистов.

Учёба Вана была успешной, он участвовал в фортепьянных конкурсах для молодёжи и завоевал почти все первые премии. Стал концертирующим пианистом, но не получил широкой известности и ангажементов. Он переживал кризис, когда Розина Левина предложила ему поехать на конкурс Чайковского. Для неё было очевидным, что масштабная, романтическая игра Вана будет иметь успех в России: «Он... окажется превосходным представителем Америки в Москве. У него для этого все личные качества и талант».

Ван решил не сразу, но когда поехал – не пожалел: условия для проживания и репетиций были прекрасными. Большой зал консерватории вызвал у него восхищение... Вообще Москву он выделил из других столиц ещё в юном возрасте, когда родители подарили ему иллюстрированную «Всемирную историю».

Его поразил вид собора Василия Блаженного...

В интервью «Литературной газете» от 30 июля 1960 г. Клиберн в частности сказал, что любит эмоциональную музыку, которая «должна придавать силу человеческим чувствам». Если мы хотим, чтобы любовь была «долгой, крепкой, глубокой, сильной, то она... должна быть чистой, простой, готовой на жертвы. Все эти качества необходимы и в правильной передаче музыкальных чувств... Большая музыка – враг цинизма. Она учит дорожить жизнью».

В 1962 г. по совету друзей Ван Клиберн учредил международный конкурс для молодых пианистов своего имени в Форт-Уэрте и стипендиальные программы в вузах нескольких стран, в т.ч. в Москве и Ленинграде. К сожалению, «оттепель», которая так много обещала, так и не перешла в «лето благоприятное», а в последующие годы вообще сошла на нет. Потом у нас были 70-е застойные, 80-е перестроечные, бурные 90-е, когда наша страна вновь стала называться Россией, – так мы вошли в новое тысячелетие. И во все эти разные времена наш друг помнил и любил Россию. В конце 1970-х пианист почти прекратил концертную деятельность, занявшись благотворительностью. Он поддерживал молодых музыкантов, жертвовал огромные деньги консерваториям Америки и Европы, в т.ч. и дорогой ему Московской консерватории.

В конце 1980-х Клиберн снова стал приезжать к нам регулярно. В 2004 г. после трагических событий в Беслане музыкант дал в Большом зале консерватории благотворительный концерт в помощь пострадавшим бесланским семьям. «Я посвящаю этот концерт всем тем, кто пережил боль разбитого сердца, – сказал он. – Такие человеческие трагедии происходят по всему миру. И в моей стране, и в вашей. Кто-то может сказать: такова жизнь. Но пока жизнь такова, каждый рискует пережить эту боль разбитого сердца...»

В канун 50-летия Первого конкурса Чайковского журналисты канала «Культура» подготовили интервью с Ваном Клиберном. Вот отрывок из него:

« – После вашего выступления многие говорили, что вы играли так, как будто у вас какие-то особенные отношения с Богом.

– Нужно очень хорошо понимать, что такое классическая музы-

ка. В её звучании заложены не только чисто музыкальные смыслы, но и общечеловеческие ценности, которые понятны всем людям независимо от того, когда они жили и в какой стране. Те, кто глубоко погружён в это искусство и его изучает, приходят к осознанию того, что в нём заключён весь духовный опыт человечества. Когда ты общаешься к этому, то начинаешь понимать, какое это огромное явление и насколько оно больше тебя самого. Оно полностью захватывает – твоё сознание, твоё сердце, оно даёт возможность видеть мир по-иному. В этом общении с великим искусством начинаешь постигать эволюцию человеческого мира, и это чувство можно назвать откровением. Когда имеешь дело с тем, что объёмлет всё вокруг тебя и даже тебя самого, то это необычайно вдохновляет и даёт силы, чтобы поделиться этим с другими.

Ван Клиберн и Д. Шостакович

– Как вы думаете, какое значение в истории XX в. приобрёл конкурс имени Чайковского?

– Для меня всегда очень увлекательно всматриваться в прошлое, находить там какие-то интересные закономерности. Прошлый век стал настоящим переворотом во многих направлениях человеческой деятельности. На первое место вышла наука, открытия в химии, физике, математике, развитие различных технологий. У людей появилась возможность путешествовать, ускорился сам темп жизни... мир стал ближе и доступнее. И в этом наплыве информации и новых знаний культура начинала постепенно уходить

на второй план. Этот процесс замечали многие очень известные деятели культуры. И поэтому мне кажется, что такие великие музыканты, как Рихтер, Шостакович, Хачатурян, хотели сохранить значение русской культуры, уберечь классическую музыку от этого. Может быть, они это и не проговаривали вслух, но мне кажется, что это было главной их целью – сохранить красоту в нашей жизни. И не случайно они дали этому конкурсу имя композитора, чья музыка любима и известна во всём мире!»

Интервью, опубликованное в «Литературной газете» 19 марта 2008 г., было озаглавлено: «Ваш друг до конца». Эти слова Ван произнёс по-русски, а в заключение сказал: «Да благословит Бог Россию!».

В последние годы Ван Клиберн по-прежнему приезжал в Москву и Петербург, в 2011-м был почётным председателем жюри Конкурса Чайковского.

О его частной жизни известно немного: он постоянно проживал в Форт-Уэрте, пригороде Далласа, был щедрым благотворителем (его пожертвования – миллионы долларов), посещал баптистскую церковь, в его большом доме во многих комнатах стояли рояли. О тяжёлой болезни он узнал осенью прошлого года, но оставался радостным и спокойным, планировал снова приехать в Россию.

В старинном храме его города, где большой орган носит имя матери Вана Клиберна – Рилди Би, состоялось его отпевание в присутствии многочисленных прихожан, родных и друзей. Огромный хор исполнял произведения Чайковского и Рахманинова, а в конце прозвучали на русском языке «Подмосковные вечера».

В статье использованы материалы книги А. Чейсинс и В. Стайлз «Легенда о Вэне Клайберне», 1959 г. и интернет-ресурсы

Ксения Покровская Памяти Марианны Веховой

20 февраля отошла ко Господу Марианна Базильевна Вехова. Дочь репрессированных, она знала сиротство, тяжёлую болезнь, нужду. Но Господь восполнил это, дав ей духовного отца – Александра Меня, чистый дар слова и духовное детство. Марина – христианский педагог, автор замечательных стихов, книг для детей, автобиографической повести «Бумажные маки»

В нашу жизнь она вошла в 1973 г. с фразой: «Здравствуйте, я ваша тётя». Марина – действительно, моя двоюродная тётя, дочь брата моей еврейской бабушки – Базиля. И знакомы мы были с детства; помню её ужасную мачеху Валентину Михайловну и её сводную сестру Маргариту.

Мой отец встречал Марину с бабушкой, приехавших из Архангельска в 48-м году, и был поражён, когда стянутый гипсовым корсетом 11-тилетний ребёнок, размером и весом близкий к пятилетнему, посмотрел на него огромными взрослыми глазами и тут же, на вокзале, спросил: «Дядя Миша, тебе не показалось, когда ты читал “Братьев Карамазовых”...» Он часто об этом вспоминал и рассказывал.

Марина была на пять лет старше, Маринины стихи печатали в «Пионерской правде», это вызывало почтительное уважение. Но в юности мы растерялись...

От своей тётки, а моей бабушки Чарны Марковны она услышала, что мы с мужем сошли с ума и ходим в церковь. Тогда она и пришла к нам с этой фразой. Просматривая наш семейный альбом, она наткнулась на фото о. Александра и закричала: «Я ищу его, откуда у тебя эта фотография?» И вскоре я познакомила её с о. Александром Менем. Вскоре же она вышла замуж за аспиранта моего мужа Мишу С., человека умного и благородного.

Таким образом восстановилась наша детская дружба и близость. Как она поражала меня всегдаш-

ней лёгкостью, радостной весёлостью и некой воздушностью — не могу подобрать более точного слова для этой удивительной черты её характера. Нескольким раз она на весь день оставалась с моими детьми — для них это был всегда праздник. Слава Богу, повидалась с ней, когда была последний раз в Москве... Полгода назад Миша звонил и писал, что она тяжело больна... Сама она рассказывает в 2004 г. в передаче на радио «Свобода», которой дала название «Ключи счастья»:

«У меня была бестолковая, нелепая жизнь, я никак не могла встретить кого-то. Была жажда любви, страх одиночества. У меня была только бабушка. Но как его найти? Спросить стыдно. Через какое-то время моя двоюродная или троюродная племянница, физик-математик из МГУ, и её муж, тоже физик-математик из МГУ, стали верующими, она даже — иконописец. У них четверо детей. Мне так захотелось с ними встретиться! А тётушки не хотели дать адрес, они говорили: “Ещё тебе не хватало с мракобесами такими!..” Я говорю: “Ну, пусть они мракобесы, зато у них четверо детей, а я одинокая, бездетная. Вдруг я им буду полезна?” Тогда мне дали адрес.

Я туда пришла, позвонила в дверь. Ксения открыла и говорит: “Кто вы?” Я говорю: “Здравствуйте, я ваша тётя”. Она мне стала показывать альбом семейный, и вдруг я вижу фотографию этого человека, которого ви-

дела в кино. Я закричала: “Кто это?” Она отвечает: “Это мой духовный отец”. И она меня к нему повезла, я только из больницы вышла на костылях. Я прикостыляла в храм, и он сразу как орёл на меня посмотрел. В певческом доме было огромное количество народа к нему на приём, прямо как к психотерапевту. Там был длинный стол накрыт, висел портрет Серафима Саровского, и люди ели за этим столом, кто что с собой принёс. Потому что все голодные приехали, в православной церкви на голодный желудок можно только причащаться... Я тоже села, заняла очередь. Интересно, я видела — тот, чья очередь подходила, пересаживался на стул около двери

М. Вехова с о. Александром в Новой Деревне

кабинета (крошечный кабинет у о. Александра) и сидел сгорбившись, повесив голову. Потом он исчезал за дверью, а затем появлялся совсем другой человек – нос кверху, плечи расправлены.

Подошла моя очередь. Я рассказала, как крестилась в другом храме. Отец Александр спросил: “Исповедь за всю жизнь была?” – “Не было”. Он говорит: “Ну, тогда приступим”. Я встала перед иконой, начала заунывным голосом излагать всю историю, с детства начиная. Он послушал, послушал и говорит: “Нет, так не годится. Давайте садитесь. Вот вам чай и давайте просто разговаривайте со мной, рассказывайте мне как знакомому, как старому другу. Вы мне о себе расскажете, я вам о себе. Так мы и подружимся, это нам заменит долгое знакомство”. И я так два года ездила раз в две недели. Я ему рассказывала, он прерывал в каких-то местах: “А я в это время...”. И получалась, действительно, взаимная исповедь. Он на три года старше меня, у него отца арестовали, когда ему было два года. Родился его братик Павлик, и он стал мужчиной в доме, мама с ним советовалась. Потом она мне рассказывала: “Оказывается, малыши крошечные очень здравые советы дают. Потому что у них нет путаницы в мыслях, они видят всё реалистично. Это поразительно”. Я это на ус мотала и со своей дочерью, которая потом появилась, тоже стала советоваться. И оказалось, что действительно дети умеют какие-то сложные узлы развязать очень просто.

Однажды, это была ранняя Пасха, я ещё с палкой ходила, о. Александр сказал: “Не надо вам приезжать на ночную службу. Приходите в понедельник, вторник, в любой день, будет крестный ход, всё так же”. Я приехала в какой-то вторник или среду. И он мне говорит: “Вы знаете, я хочу вас познакомить с Мишей Сергеевым, он очень умный и очень хороший человек. От него ушла жена с ребёнком к его другу, и он мучается”. Встретились, и как-то началось. Сначала друг другу целый год помогали, стали друзьями, а потом через год он сказал: “Давай с тобой поженимся”. Тогда о. Александр нас обвенчал»...

Царствие Небесное и Вечный Покой подаждь тебе, Господи! От рождения и до смерти ты была страдальцей, светлой и благодарной за всё.

Источник:

<http://ksenia-stranger.livejournal.com>

Марианна Вехова

Пришла сюда я из долины плача

Одиночество

Так хочется писать Тебе стихи,
когда у лампы вечера тихи,
когда в углу вздыхает сонный пёс,
и тёмный ветер снег сдувает с звёзд,
в сугробах тонет сумрачный январь,
и стынет чай в стакане, как янтарь.

Но тёмные, нестройные стихи
растут из неосознанных стихий,
которыми питается душа,
так горько заблуждаясь и греша...

Стихи растут, и я расту из них,
принадлежит им день мой, час и миг.
Что остаётся для сердечных драм?
Моя пустая комнатуха-храм!
Служу я здесь призванью своему,
душа открыта Богу одному.

Стучит, скребётся в стёкла мокрый снег...
Собака придвигается ко мне.

Покаяние

Летит мой Ангел ко звезде полночной
Во тьме, гремющей музыкой планет,
Во тьме, где смутно тает след молочный
Миров погасших, тех, которых нет...
Летит мой Ангел в тесном сонме теней –
Моих смятений неподъёмен груз.
И фетиши гордыни и хотений
В нём чуждую ему рожают грусть.
Прости, мой Ангел многотерпеливый,
Защитник мой, не улетай, вернись!
Я снова у провала, у обрыва,
И бездна ждёт, когда я брошусь вниз.

Исповедь

Небо стиснуто между висками.
Я сожму это небо руками.
И на землю западают листья,
И захочется звёздам пролиться,
И во мне глубоко,
Как в земле,
Семена затоскуют во мгле.
Как мне зёрна взлелеять в себе?
Как мне правду взлелеять в стебле?

Продолжение на с. 32–33

Марианна Вехова

Пришла сюда я из долины плача

Работник последнего часа

*...идите и вы в виноградник мой
и, что следовать будет, дам вам
Мф 20:7*

Меня призвали в тихий час заката,
Когда деревья удлинняют тени,
И мягче на холмах полей заплаты,
И ветер пьян дыханием растений.

Пришла сюда я из долины плача,
Окованная скорбью, как железом,
Там кровь и слёзы
ничего не значат,
Непогребённым прахом
дышат бездны,

Душа больна, не заживают язвы,
И груз грехов,
предательств, вожделений
Вниз тянет.
И грозит вечной казнью
В цепях тоски и злобы
чёрный гений...

На светлом небе
зажигались звёзды,
Всё стало невесомей, безотрадней,
Надежда гасла.
Было слишком поздно.

И вдруг –
меня позвали в виноградник!
Расторглись узы
от простого Слова,
Растаяла железная ограда.
Сухие листья
развернулись снова.
И засияли ягоды из сада!

Лебедь-храм

Храм плыл среди холмов.
Холмы овсом звенели.
На звоннице пустой
Верёвки трогал ветер...
И ласточки влетали
В небесные проёмы
Под куполом разбитым.
Они кричали в храме
Безлюдном и холодном,
Где на старинной фреске
Христос раскинул руки
И звал: «Ко Мне придите,
Кто горестью раздавлен,
Кто трудится и плачет».
Мешки с суперфосфатом
Толпой вокруг теснились.
Они окаменели
За много зим и вёсен.
У них торчали уши...
А ласточки кричали.
И пьяный трактор злился,
В грязи по грудь увязнув
Средь улицы дождливой...
Вот всё, что мог услышать
Христос на пыльной фреске
В ответ на зов Свой вечный...
Храм плыл, склонивши главы
К плечам своим побитым.
Печальный лебедь-храм...

*д. Богослов Костромской обл.
1978*

Свеча на могиле

На могиле голубки моей
Горит церковная свечка.
Я читаю похоронные молитвы
Под крики
встревоженных галок.
На соседней могиле – поминки,
Там едят крутые яички,
Запивают из горлышка водкой,
Говорят о заботах насущных...
И горит, горит моя свечка,
Пламя дымным
крылышком машет,
Не даётся весеннему ветру...

*Голубка дряхлая моя...
Пушкин*

Слышишь ли ты меня,
моя радость?
Что доходит – слова, или мысли,
Или только слёзные молитвы –
До границ государства мёртвых?
Прилетела ль душа твоя?
Смотрит?
Обнимает бесплотными руками?
Отвечает на любовь любовью?
Только мне до тебя не дотянуться –
Мне тоска моя стала сетью,
Уловила, держит, не пускает.
Не даёт ни вздохнуть,
ни заплакать...

Здесь, среди
фарфоровых нарциссов,
Незабудок и белых петуний,
Первая пчела заблудилась,
И ворчит, и бормочет сварливо...
У Господа обителёв много.
А свеча на ветру хлопочет...

Сон об убитом отце

Отцу Александру Меню

От травы и от листьев –
стеклянный дым,
Там отец стоит один за окном,
По лицу стекают струи воды –
Это мы так много плачем о нём.

Весь посёлок из елей и старых дач
Ожидание чуда утратил вдруг.
И осеннего грома сухой удар
По бревну раскатился
и вмиг потух...

Но отец улыбнулся,
вглядываясь в стекло,
А войти не хочет, стоит в дожде...
Сколько дней без него,
как в песок, стекло,
Не найти следов этих дней нигде.

Как болит душа,
Как тоска жива...
Прикоснуться снова к его руке...
Умирает плоть,
Но живут слова,
Созревает плод
Даже на песке.

Образок

У меня есть образок святителя Николая. Это – фотография с иконы. Чёрно-белая. Величиной с ладонь. Приклеена на дощечку.

Когда он мне достался, я была неверующей, хотя уже читала кое-что из христианской литературы и задавала себе вопросы, на которые ответа не находила. Меня поразило лицо сурового старика на образке. Оно было такое умное, одухотворённое, святитель смотрел на меня испытующе, и я с ним разговаривала, сообщала ему, что сама не знаю, кто я, какой я человек и зачем живу на земле.

Подарила мне образок Слепая Старушка – её имени я не знаю. Она с ним простилась, нежно поцеловав его, и отдала мне как самое дорогое своё достояние. Она собралась умирать и боялась, что все её вещи выбросят на помойку, и образок с ними.

Мы встретились в неизвестной мне деревне, куда я приехала собирать иконы. Это было в 1972 году, когда иконы в деревнях погибали: дети уничтожали иконостасы своих умирающих родителей. В моду вошли полированная мебель и литографии в стандартных железных рамках; иконы не вписывались в модный интерьер. Однажды в командировке я увидела, как на старинную икону, на оборотную её сторону, ставили утюг и сковородку, и выпросила её у хозяйки, купив в сельмаге взамен решётчатую алюминиевую подставку. Тогда я и решила, что буду спасать иконы везде, где возможно...

И вот сентябрьским воскресеньем 1972 года я шла по деревне, что недалеко от Ярославской железной дороги, километрах в 80 от Москвы. День был ясный, тёплый, в каждом дворе возились люди: копали картошку, выколачивали зимнюю одежду, вытащенную из сундуков на солнце, жгли мусор, утепляли на зиму сарай... Я заходила во дворы и спрашивала хозяев: «Нет ли у вас ненужных икон?»

Мне приносили их с чердаков, запылённые, со следами былого дождя или снега, с потрескавшейся и осыпающейся краской. Доставали из погребов, из подвалов, где они служили крышками для горшков и крынок. Давали их мне равнодушно или с усмешкой: «Родители померли, а нам это старьё портит обстановку... Выбрасывать – грех, возьмите ради Бога...»

Одну икону Божией Матери мне со слезами отдала пожилая женщина: «Меня родители ею благословляли в день свадьбы. А молодёжь моя не разрешает держать в доме “религиозный дурман”...»

В моём рюкзаке оказалось столько молитв, слёз, надежд – вековая душа целой деревни...

По солнечной улице, праздничной от жёлтой листвы и солнца, брела, цепляясь за колья забора, старуха. Была она очень худа и одета в чёрное, и хотя голову держала высоко, сквозила в её движениях робость. Она неверно переступала слабыми ногами, и я к ней подошла:

– Бабушка, давайте помогу! Куда вас проводить?

– Я гуляю, деточка, – сказала она слабым голосом. – Я слепая, по забору гуляю, чтобы не заблудиться...

Лицо у неё было совершенно не слепое, наверное, она недавно ослепла. Подвижное, тонкое, можно сказать – иконописное лицо.

Да, есть красивая старость! Чёрный платок подчёркивал её бледность. Таких белых лиц я никогда не видела. Мел, снег, гипс, но при этом – живое, чуткое, слушающее лицо...

Я спросила машинально:

– Бабушка, у вас нет ненужных икон?

И вдруг она обрадовалась:

– Пойдём, детка, пойдём! Я тебе отдам все мои ико-

ны. Мне пора умирать, их выкинут, а я хочу, чтобы на них после моей смерти глядели человеческие глаза.

Она взяла меня за руку и легко пошла вдоль забора. Я шла за нею, смотрела, как она бледными до прозрачности пальцами слабо обхватывает неошкуренные жердины и на чёрное платье сыплется сухая крошка коры.

Открылся просторный двор. Вся площадка перед домом была залита асфальтом. Посреди этой площадки сверкала чисто вымытая легковая машина. Два здоровенных мужика хлопотали вокруг неё. Они даже не взглянули на нас.

Мы взобрались на крыльцо. Оно было недавно покрыто коричневой масляной краской, добротное, чем-то похожее на своих крепких хозяев, осматривающих машину. Потом мы пробирались через три богатых комнаты. Они были совсем не деревенские: натёртый пол, дорогие кружева на окнах, полированная мебель и везде ковры... Молодая женщина, как розовая рыба, сонно проплыла мимо нас, отражаясь в зеркалах и полировках. Крупные розы на её широчайшем заду не шевелились от её движений.

Старушка обогнула в кухне русскую печь, чисто выбеленную, без малейших намёков на копоть, и мы оказались в закуске за печью.

Тут не было окна. В полшаге от печки, вплотную к стене, стояла железная кровать с досками на раме вместо пружин. На досках лежала разноцветная груда тряпья. Высовывался промазученный рукав старой телогрейки с ключьями серой ваты в прорезах. Чего тут только не было! Заношенные до лохмотьев юбки, портянки, дырявые чулки и рубахи сплелись в комки. Были все эти вещи нестиранными, от них резко пахло потом, мазутом, краской, плесенью... Кроме кровати, в закуске ничего не было. Да и не поместилось бы туда ничего.

В изголовье висели на ботиночных шнурках два образа: Серафим Саровский и святитель Николай.

– Тут я живу, – спокойно сказала старушка. – Сними, деточка, образки. Возьми себе. У меня душа успокоится...

Я сняла образки. Серафим Саровский был писан на эмали, красивая миниатюра! Были ясно видны каждый волосок его белой бороды, морщинки у глаз, иголки на ветках дремучей ели у него за спиной. Рамочка была кружевная, позолоченная. А святитель Николай – фотография иконы на дощечке.

– Какой красивый образок святого Серафима! Я не могу его взять. Это ценная вещь. И как же вы останетесь совсем без икон?

– Да я же слепая! – улыбнулась бабушка. – У меня иконы под веками. Любую могу увидеть и помолиться. В гроб мне образки не положат. Я так боюсь, что они будут валяться... Возьми, деточка, ради Бога! И скажи твоё имя. Я о тебе помолюсь.

И она сжала мои пальцы, держащие образки. Она так хорошо улыбалась...

Дома я повесила на стену все иконы, собранные в деревне. Они заняли стену сплошь, до потолка. Моя комната в коммуналке превратилась в нарядный дворец. Пурпур, золото, лазурь на стене, и – глаза, глаза... Какие глаза! Когда ко мне приходили гости (а это было очень часто), они говорили: «Ах!». Или: «Вот это да!» И я предлагала им выбрать икону, какая понравится, и дарила её. Только просила беречь.

Образок Серафима Саровского взял один писатель.

А святителя Николая я никому не отдала, да никто и не позарился на серый отпечаток, наклеенный на дощечку. А я привыкла с ним разговаривать, и постепенно он стал как бы частью моей жизни. И начал в ней действовать... Но это – совсем другая история.

Татьяна Макарова Слово о Егоре Гайдаре

Чудакова М.О. ЕГОР: Биографический роман. Книжка для смыслённых людей от десяти до шестнадцати лет. – 2-е изд., стереотип. – М.: Время, 2013. – 592 с., илл.

Мариэтта Чудакова, исследователь творчества М.А. Булгакова, написала книгу о Егоре Гайдаре. Классический филолог входит в самое пекло отечественной истории. Выбор не случайный. Книги Булгакова, изобразителя советской дьяволиады – это огромная и феерическая панорама схватки добра и зла. Честь и подлость, роковые эксперименты и бескорыстное служение, персонализм Мастера и стадные инстинкты, пещерное невежество и аристократическое достоинство профессионала... Рыцарские, светлые, волевые порывы, вызванные подобным противостоянием, воплотились в Егоре Гайдаре – Мастере политического искусства. Чтобы подтвердить уникальность его личности, автору пришлось погрузиться в области, далёкие от филологии: экономику, политику, историю, философию, социологию. Однако частые экскурсы не перегружают текст, адресованный юношеству и даже детям. Образ учёного и государственного деятеля, его самовоспитание и самодисциплину трудно представить без фундаментальных научных знаний. Герой Чудаковой – воплощение созидательной энергии, неординарных решений, дерзких поступков. Он в смутное время нашей истории вытащил отечество из трясины, предотвратил хаос. Жизнь Гайдара – от младенческой тяги к чтению, к познанию до самопожертвования в период премьерства – это жизнь-творчество, какой и должна быть человеческая жизнь.

Читая книгу Чудаковой, вспоминаешь старинное руководство к нравственному поведению юношества «Юности честное зеркало». Сборник был издан триста лет назад по указу Петра I. В нём приведены и размышления Эразма Роттердамского о том, что гражданские свойства личности закладываются в детстве. Роман об интеллигенте Гайдаре, воителе рыцарского склада, важен сегодня, когда размыты, а то и утрачены непреложные нравственные ценности. Юноша увидит в этом человеке честлюбивые, но бескорыстные помыслы. В его каторжных буднях и бессонных ночах – пример благородного служения людям.

Просвещая детей, Чудакова надеется быть услышанной и взрослыми нашими соотечественниками. Теми, кто не желает анализировать, сравнивать. К инфантильным и неблагодарным современникам. Трагическая поступь русской истории продолжается.

Мы встретились с Чудаковой 13 января нынешнего года на марше против антидетского закона. Её герой

в этот день наверняка был бы в рядах протестующих. В книге упоминается известный экономист Адам Смит – член правительственной комиссии Английского парламента. Одно время он сотрудничал с Диккенсом, и тот по его просьбе написал в 1843 г. статью «К английскому народу в защиту ребёнка-бедняка» – о сокращении рабочего дня и улучшении условий труда детей на заводах и фабриках. Условия были ужасающие. Статья

имела положительный резонанс. Думаю, что и рождественские «Колокола» (повесть Диккенса) будили совесть и чувства сограждан. Знаменательно это сотрудничество политика и писателя, принёсшее явные плоды. Адам Смит при жизни нашёл гуманитарный выход своим идеям – доходчивый язык, обращённый к массам. И был ими услышан. Чего нельзя сказать о Гайдаре. И что небезуспешно восполняет Чудакова в своей книге.

Одному утверждению хочется возразить. Автор согласен с мнением Гайдара, что «либерализация экономики повлечёт за собой демократизацию общества. Так бы, конечно, и было, если бы не пошла встречная волна: ГУЛАГ создавался в целях модернизации, Сталин был успешным менеджером». Народ, не слышавший рождественских колоколов, обожествлял деспота и его «высокие» цели. «Самоед, – пишет Пётр Чаадаев, – любящий свои родные снега, которые сделали его близоруким, закоптелую юрту, где он, скорчившись, провёл половину своей жизни, и прогорклый олениный жир, заражающий вокруг него воздух зловонием, любит свою страну, конечно, иначе, нежели английский гражданин, гордый учреждениями и высокой цивилизацией своего острова».

С Егора Гайдара началась новая генерация специалистов после мёртвой советской номенклатуры. На развалинах рухнувшей империи он создаёт новые институты государства, новую цивилизацию. Агностик, как он себя называл, с огромным духовным потенциалом. «Добрый человек из доброго сокровища выносит доброе» (Мф 12:35). Если любовь – главное качество христианина, то Егор Гайдар – анонимный христианин.

ДОРОГИЕ БРАТЯ И СЁСТРЫ!

В настоящее время власти города рассматривают вопрос о соответствии предоставленной храму территории для организации кормления бездомных нашим техническим условиям.

Чтобы не прерывать служение нуждающимся,

ГРУППА КОРМЛЕНИЯ БЕЗДОМНЫХ ИЩЕТ БЛАГОТВОРИТЕЛЯ, который мог бы предоставить (или арендовать при нашем финансовом участии) помещение площадью 300–400 кв. м, где есть электричество, горячая и холодная вода, канализация.

С предложениями просим обращаться к о. Александру Борисову или в Группу кормления

Работа с семейной историей

В прошлом году впервые в нашем храме была организована группа по работе со своим семейным древом (с построением генограммы), со своей семейной историей. Собирались раз в месяц в течение полугода. Целями группы были: работа по исследованию своего рода, отношений в семье, модели поведения, обнаружение семейных закономерностей, получение поддержки для изменений в семейной системе через совместную молитву.

Таким образом, это не было просто исследование своего древа, но и молитва, предстояние перед Богом за другого человека, желающего что-то конкретное изменить в себе, в своей семье. Работа была захватывающей и интересной. Вели группу **Ольга Булычева** и **Елена Юровицкая** под руководством христианского психолога, руководителя центра «Путь Жизни» **Галины Ченцовой**.

Вот несколько отзывов участников группы.

Ольга Г.: Наша группа помогла мне помнить о важности работы с моей генограммой, регулярно обращаться к ней, размышлять на эту тему. Мне очень нравилось делиться своими наблюдениями на группе, почти всегда я испытывала радость от этого. Благодаря откликам других членов группы я получала сочувствие, поддержку, новое видение моей семейной истории. Я гораздо более позитивно стала смотреть на мой род, увидела ресурс в нём, прониклась чувством благодарности к родителям. Мне было очень интересно слушать других, меня часто восхищали их работа и наблюдения. Слушая других, я многое понимала и про себя тоже. Я ощутила мощное воздействие молитвы группы обо мне, после неё просто летала как на крыльях. Я очень благодарна ведущим и всем участникам группы и хотела бы осенью продолжить наши встречи.

Наталья В.: Я была на семинаре по семейной истории, и меня потрясли новые знания. Семинар вдохновил меня работать над своей генограммой, и с большим энтузиазмом я решила ходить на малую

группу. Работая в группе, я увидела свою большую семью другими глазами, осознала ценность своей родословной, поняла, как важны для меня все родственные связи, и начала общаться (до этого сама изолировала себя от всех, «закрылась»). Мне захотелось побольше узнать о своих прародителях, и это было поводом для новых встреч с моими родными; эти встречи мне стали нравиться, я перестала стесняться себя и стыдиться своих проблем, увидела, как легко у меня получается общение с родными, как меня это радует, и я чувствую прилив сил. Сама группа была для меня стимулом для работы, мне хотелось и для себя узнать что-то новое по работе сестёр над генограммами и на группе поделиться своими новостями. Группа вдохновляла, поддерживала, учила. И ещё, самое главное: я наладила отношения с отцом, научилась слушать его, услышала много нового для себя, поняла и приняла отца и очень этому рада, потому что раньше боялась его и лицемерила. Я благодарна группе за новый опыт, за радость открытий у сестёр из группы, за сопереживание, за доверие и открытость. Мне хотелось бы продолжения работы, я благодарна организаторам нашей группы и всем участникам.

Ольга Ш.: Я смогла прикоснуться к этой теме, весьма для меня болезненной. Появилось больше принятия своей семьи... Истории других нашли в моей семье много откликов. Увидела, что мне надо преодолеть, задумалась, какие есть трудности у других, зачем мне даны мои трудности. Очень мощная поддержка произошла от молитвенной группы. Появилось большее принятие и любовь к своей семье. Вроде того, что пусть хоть дисфункция, но моя. В общем, в итоге появилось смирение.

Группа завершила свою работу в начале прошлого лета, и как продолжение этой темы были организованы открытые беседы с Галиной Ченцовой о семейной истории. Несмотря на выходные дни и летнее время, на беседы собиралось довольно много народа: от 70 до 100

и более человек. Оказалось, тема семьи очень актуальна и насущна, как, впрочем, и следовало ожидать. Ведущую просто забросали вопросами; было видно, что часто люди ожидают быстрого решения своих проблем путём вопроса-ответа и не все понимают необходимость духовных усилий, кропотливой работы над собой, над своим характером.

Мы постарались собрать и обработать вопросы тех, кто участвовал в беседах. Получилось, большинство вопросов было связано с прощением своих близких: братьев, сестёр, родителей. Также было достаточно много вопросов, касающихся отношений со взрослыми детьми, их отделения от родителей и т.д.

Большинство вопросов нельзя было решить в рамках бесед, поэтому все желающие были приглашены на семинары христианского психологического центра «Путь Жизни» и в группы поддержки и самопомощи у нас в храме, работающие по программе «12 шагов».

Приглашаем всех, кого интересует тема семьи, своего рода, семейных отношений на **следующий цикл бесед**, которые планируются в **июне—июле этого года**. Следите за объявлениями на сайте и в храме. Также приглашаем в группы поддержки и самопомощи, участие в которых даёт возможность лучше понимать себя, разобраться в семейных отношениях, узнать, что можно изменить и т.д.

Расписание работы групп самопомощи:

1. по средам 11.00—13.00 в светлице
2. по четвергам 19.00—21.00 в светлице или комн. 6
3. по субботам 16.00—18.00 в комн. 6
4. по понедельникам (мужская группа) 19.00—21.00 в светлице.

Ольга Булычева

Мы верим, что Женя будет спасена! В это верит и сама Женя. Когда ей больно – она старается улыбаться и говорит, что скоро всё закончится, и она обнимет сынишку. На это есть надежда. Врачи объясняют, что при благополучном исходе операции Женя будет жить, и жить долго.

Пожалуйста, ПОДЕЛИТЕСЬ ЭТОЙ ПРОСЬБОЙ, чтобы больше людей смогло помочь Жене!

Юрова Евгения из Москвы больна острым миелобластным лейкозом. Это злокачественное заболевание, которое мало кому оставляет шансы на жизнь.

Родители у 26-летней Жени – врачи. Ещё есть четырёхлетний сынишка и много людей, которые любят молодую женщину. Друзья не оставляют её в беде, помогают, кто чем может. Женю действительно можно спасти, но сумма, которая требуется сейчас на операцию – слишком велика, и её у семьи нет.

Альтернатива смертному приговору – срочная пересадка костного мозга в Германии. Множество пациентов, которым была сделана необходимая операция в немецкой клинике, живут десятилетиями в состоянии ремиссии. К сожалению, в России пока не могут делать подобных операций со столь же хорошим результатом.

Женя уже в Германии, она прошла несколько курсов химиотерапии, но её состояние сейчас довольно тяжёлое. Нужно срочно приступить к операции.

Необходимая сумма на оплату операции – 100 тысяч евро. В переводе на рубли – примерно 4 млн. Объявляем сбор помощи. Очень надеемся на отклик.

Если вы можете помочь Евгении Юровой, то, пожалуйста, обращайтесь к нам в службу «Милосердие» по тел.: +7 (495) 972-9702.

ПЕРЕВЕСТИ СРЕДСТВА можно здесь: <http://www.miloserdie.ru/index.php?ss=2&s=17&id=18720>

Группа взаимопомощи

В нашем храме действует служба взаимопомощи внутри прихода.

Что мы можем:

- помочь по хозяйству;
- сделать мелкий ремонт;
- помочь доехать до храма, до поликлиники и т.п.;
- купить и принести лекарства, продукты;
- погулять, посидеть с детьми;
- помочь в уходе за больным.

Если Вы нуждаетесь в помощи или хотите помогать, звоните по телефону

8 (926) 761-95-17

Пишите по e-mail: kosmo.damiano@mail.ru
а также в притворе висит ящик для записок.

Давайте помогать друг другу!

Литературные посиделки

По пятницам вечером в библиотеке Христианского культурного центра «Встреча», как всегда, шумно закипает чайник. Здесь проходят традиционные литературные посиделки. Дважды в месяц мы собираемся за чашкой чая, чтобы вместе прочитать и обсудить прозу, стихи, иногда переводы. Руководит нами Александр Иванович Зорин, поэт, публицист, преподаватель, близкий друг семьи о. Александра Меня. Обычно всё начинается с чтения стихотворений Пушкина. Среди нас есть опытные поэты и критики, а также начинающие писатели. Самому трудно бывает понять несовершенство своих «перлов», поэтому доброжелательная помощь и критика собратьев по перу оказывается очень полезной.

Мы ждём всех без ограничения пола, возраста и литературного опыта. Не забудьте захватить свои произведения и что-нибудь вкусное!

Марина Трапинина

Дорогие братья и сёстры!

Закият Хасуева, жертва первой чеченской войны, благодарит прихожан нашего храма, которые помогли купить ей жилплощадь в Звенигороде. И напоминает, что деньги для неё собирала Татьяна Зорина (напоминание для того, чтобы вспомнили, через кого передавали деньги. К Тане не раз подходили жертвователи, спрашивая о результате их посильного благодеяния).

Главный редактор: протоиерей Александр Борисов
Редакционная коллегия: Ирина Языкова (заместитель главного редактора), Александр Зорин, Александр Кремлёв, Марина Насонова, Ольга Папцова, Константин Семёнов, Алла Смирнова
Редактор выпуска: Алла Калмыкова

Компьютерная вёрстка: Алина Троицкая
Адрес редакции:
Столешников пер., д. 2, комн. 12.
Тел. (495) 629 10 11
e-mail: irinayazykova@yandex.ru, acalm@list.ru
с указанием темы письма: «Для Приходской газеты»